

Сергей Лапшов
(Петрозаводск)
Окончание.
Начало см [тут](#).

Польско-шведская война 1621-1622 годов Боевые действия в Курляндии и Лифляндии

Все поведал вам правдиво о войне той давней.
Не дай, Господи, ты нам службы долгой, дальней...
Ян Куновский, “Экспедиция Инфлянтская 1621 года”

Война – это череда катастроф, приводящих к победе
Клемансо.

Планы Густава Адольфа

Итак, в прошлой главе мы остановились на осаде и овладении Ригой войсками шведского короля Густава Адольфа 16 сентября 1621 года. Главная цель войны была достигнута, но война продолжалась. Следующие две недели после взятия города были потрачены на восстановление разрушенных во время осады рижских укреплений и сборы в новый поход. Припасы и деньги кончались, с наступлением осени начинались болезни, в отдельных полках к концу осады Риги на одного раненого приходилось по тридцать-сорок больных.

Но альтернативы наступательным действиям не было, - пассивная оборона неизбежно привела бы к проигрышу. Дело здесь было даже не в том, кто ударит первым, - литвины были очень слабы. Густаву Адольфу было совершенно ясно: если собравшийся с силами противник нарушит шведские коммуникации своей конницей, даже в случае, если подвоз морем будет продолжаться, что в период осенних штормов и часто замерзающего зимой Рижского залива весьма проблематично, то сосредоточенная на небольшом плацдарме 24-тысячная шведская армия погибнет с голоду вместе с 30-тысячным населением города.

У шведского короля в конце сентября было два варианта действий. Или постепенно завоевать всю Лифляндию севернее течения Дюны (Двины, Даугавы), или же, перейдя реку, превосходящими силами овладеть Митавой и всем богатым ресурсами герцогством Курляндским, став там зимним лагерем, и по возможности разбить три тысячи литвинов в полевом сражении. В таком случае оставшиеся в тылу ливонские города пали бы сами собой. Это открывало заманчивые перспективы и в самой Литве, становящейся беззащитной перед шведским вторжением. Конечно, Густав выбрал второй, более многообещающий вариант.

Король не ожидал встретить в Курляндии значительного сопротивления. О силах Радзивилла благодаря хорошо налаженному шпионажу он был отлично извещен, а с герцогом Курляндским и Семигальским Фридрихом Кеттлером Густав Адольф вступил в тайные сношения, а вернее, в сговор. Герцог, не посмеавший объявить перед своим сюзереном – Речью Посполитой, открытый нейтралитет в войне, и не желавший раньше времени рвать с Сигизмундом и Радзивиллом ленные отношения, тайно

обещал шведскому королю лишь имитировать свое участие в военных действиях и сдавать без боя курляндские города и замки, если конечно, их ранее не займут литвины. По этой же причине Фридрих отказался от предложения гетмана разместить в Митаве литовский гарнизон. За такое двурушничество Густав Адольф обещал Фридриху вернуть ему обратно после войны все занятые земли и города.

Герцог хорошо знал, что шведский король в случае чего может очень быстро найти ему замену. В Германии в качестве политического изгнанника проживал его родной брат и соперник в борьбе за власть Вильгельм фон Кеттлер. После смерти своего отца, первого Курляндского герцога, бывшего наместника Тевтонского ордена в Ливонии, до 1617 года братья совместно правили Курляндией. Фридрих - восточной ее частью со столицей в Митаве (Елгава), Вильгельм – западной, со столицей в Гольдингене (Кулдига). Однако после того, как Вильгельм в стремлении к единоличной власти приказал казнить оппозиционных депутатов ландтага, против него выступило рыцарство и он вынужден был бежать за границу. Таким образом, Фридрих фон Кеттлер стал единственным правителем герцогства.

Вильгельм открыто ориентировался на Швецию и был с почетом, как государь, принят при дворе Густава Адольфа, который после своей победы над Речью Посполитой обещал отдать ему во владение не только всю Курляндию, но и Лифляндию на тех же ленных правах, что они имели от поляков и литвинов. Вильгельм же покамест выставил шведскому королю драгунскую роту. Таким образом, по замыслам Густава, вся Ливония в границах бывшего Ордена через его ставленника, протестантского герцога, должна была попасть под полный контроль Королевства Швеции, пока в качестве вассала.

Планы Радзивилла

У противника Густава Адольфа в лифляндской войне, главнокомандующего гетмана польного литовского князя Кшиштофа Радзивилла, с вариантами действий было очень плохо. Падение Риги, о котором он даже не сразу решился донести королю, и сдача многих лифляндских замков без боя перечеркнули все его оборонительные планы.

В послании великому писарю литовскому Пацу от 29 сентября гетман сетовал: “Если бы только за один город шла вся эта игра, или же с легким каким противником мы дело имели, тогда можно было об обороне думать, а тут целая провинция отпадает с мощными крепостями и пушками, лучший порт в руки достался неприятелю, который тщится еще большую себе от победы извлечь корысть, еще дальше пойти, в Литву войну перенести, того добиваясь, чтобы этой экспедицией выгодный себе мир добыть, и несправедную королевства шведского узурпацию на ноги поставить. Сейчас на гетмана все взгляды направлены. А что мне делать, когда, как Бог мил, в стане несколько сот человек имею, для боя годных?”

Добавим к вышеизложенному, что Радзивилл вынужден был еще и разделить свои силы на две части - одна, малая, обороняла еще не взятые шведами лифляндские крепости Кокенгузен (Кокнесе) на реке Дюне, Вольмар (Валмиера) и Роннебург (Румборк, Роен) в центральной Лифляндии, другая, наибольшая, стояла в Курляндии восточнее Митавы в ожидании действий противника и в надежде на прибытие подкреплений. Кроме того, в отдалении от главных сил, на северо-востоке держался Дерпт (Тарту), обороняемый верным Короне и Литве старостой дерптским Эрнстом Денхофом, а на юго-востоке края стоял пока не затронутый боевыми действиями Динабург (Даугавпилс).

Кокенгузен и Динабург были последними опорными пунктами на Двине, - оттуда шли открытые дороги в Литву. В случае их падения шведы открывали ?второй фронт?, прикрывать который было нечем. Поэтому гетман, как ни мало было у него сил, 18 сентября, сразу же после известия о капитуляции Риги, выслал в Кокенгузен отряд ротмистра Яна Копца из казаков и выбранцев (даточных крестьян), что было весьма своевременно. 2 октября шведы пришли под крепость и обложили окрестные мызы контрибуциями. Однако штурм до подхода главных сил пока не предпринимали – эти главные силы король двинул в Курляндию.

Хотя войско Радзивилла в три раза уступало противнику, а в пехоте и артиллерии превосходство было подавляющим, гетман надеялся начать с супостатом войну на коммуникациях силами казацкой конницы, разбить противника в частных сражениях, пользуясь превосходством польско-литовской гусарии над шведской рейтарской кавалерией, защитить своей немногочисленной пехотой лифляндские и курляндские замки.

Силы сторон

Состав войск противоборствующих сторон к концу сентября – началу октября был следующим.

Шведская армия

Верховный главнокомандующий - король Швеции Густав Адольф, фельдмаршал губернатор ливонский и рижский граф Якоб Понтус Делагарди, фельдмаршал Герман Врангель, командующий кавалерией генерал-лейтенант граф Филипп Мансфельд фон Хельдрунген, генерал-вахтмейстер полковник Самуэль Коброн.

Пехота.

Два вербованных полка:

- немецкий гвардейский "хофрегент" графа Филиппа Мансфельда под командой подполковника Ханса Врангеля и шотландский полк Джеймса Сетона под командой подполковника Джона Мастерса.

Пять шведских пехотных полков:

- Седерманландский шефа наследника герцога Карла Филиппа Седерманландского под командой полковника Бастиана Бонадта, Смоландский шефа фельдмаршала Германа Врангеля полковника Патрика Рутвена, Уппландский Оке Оксиеншерны (без одного эскадрона в Риге), Остготский Арвида Ханда, Финляндский Рихарда Розенкранца под командой подполковника Кристофера Ассарссона; шесть лейб-рот из разных полков рижского гарнизона.

Четыре вербованных немецких кирасирских лейб-роты:

- королевская лейб-рота (livfanen) под командой барона Юргена фон Майделя, рота наследника герцога Карла Филиппа Седерманландского под командой Закариаса Паули, рота фельдмаршала Якоба Делагарди под командой Клауса Вахтмайстера, рота фельдмаршала Германа Врангеля под командой Райнхольда Анрепа, рота генерал-майора Рихарда Розенкранца под командой Магнуса фон дер Палена.

Десять шведских рейтарских рот:

--барона Конрада фон Иксюля, Пера Йоханссона, Йорана Якобссона, Нильса Ассарссона, Йенса Ханссона, Йона Перссона, Оке Свантессона, Манса Шерна, Кнута Драке;

Семь финских рейтарских рот:

-Самуэля Коброна (ротмистр Райнхольд Вюнш), Акселя Маттсона, Андерса Паули, барона Отто фон Гроттхузена, Йенса Курка, Олафа Дуввы, Нильса Монссона;

Три роты Эстляндского аделъсфана (рыцарского ополчения) барона Берндта фон Таубе, включая Ингерманландскую роту.

Вербованная драгунская рота Вильгельма (Гийома) де ла Барра, перешедшего после взятия Риги с литовской на шведскую службу (сформирована 2 октября).

Предполагая среднюю численность семи пехотных полков по 1 000 человек, а двадцати четырех конных и шести пеших рот - по 120 человек, можно определить численность шведского войска примерно в 9-10 тысяч человек, - до 7 тысяч пехоты и до 3 тысяч конницы. Артиллерия первоначально насчитывала 8 полевых орудий - картаун и полукартаун, а также значительное количество малокалиберных. .

Литовская армия

Главнокомандующий - польный гетман литовский Кшиштоф Радзивилл, исполняющий обязанности польного писаря литовского Яроша Пясецкого Павел Божачковский, войсковой обозный Анджей Пржистановский, войсковой стражник Владислав Кржижевский, командиры отдельных временных отрядов (полков, “хуфов”) великий референдарь и писарь литовский Александр Корвин Гонсевский, воевода полоцкий, староста парнавский Януш Кишка, воеводич смоленский, хорунжий литовский Миколай Абрахамович, полковник казаков- “лисовчиков? Петр Якушевский.

Конница.

Пять гусарских наемных “заценжных? рот (хоругвей):

- гетмана князя Кшиштофа Радзивилла, поручик Адам Стецкевич, референдаря литовского Александра Корвина Гонсевского, поручик Мельхиор Будзиевский, Мельхиора Сесицкого, поручики Ольшевский, затем Анджей Бялзор, ротмистра Яна Франкевича-Радзыминьского, поручик Анджей Завиша, ротмистра Адама Полнарского, поручик Бальцер Юржа; всего до 850 коней;

Три гусарские роты литовского посполитого рушения:

-с упитского повята ротмистра Кшиштофа Бялзора, командовал поручик Вендзяговский, с трокского повята ротмистра Валенты Танского, с вилкомирского повята ротмистра Яна Голеевского; всего до 300 коней;

-малые охотничьи (магнатские) гусарские почты Яна Голеевского и Яроша Жабы; всего до 50 коней;

-рейтарские роты ротмистра Николауса фон Корффа, поручик Андреас Зеге, ротмистра Георга Врангеля, поручик неизвестен, и ротмистра Эвальда Сакена, поручик Шлиппенбах; всего до 400 коней;

- три казацкие роты ротмистров Яна Копца, Кшиштофа Бонецкого и Давида Константиновича-Посудзиевского, всего до 300 коней;

-отдельный казацкий полк лисовчиков полковника Петра Якушевского, - хоругви Петра Якушевского, ротмистров Якуба Рожича и Кшиштофа Дружбича, до 500 коней (с середины октября)

Польско-литовская пехота:

-две роты гетмана Радзивилла, поручики Ян Дзевчепольский, Миколай Корсак, роты Войцеха Рачковского и Флориана Стоцкого; всего до 600 человек.

Чужеземная пехота и драгуны:

-драгунская рота капитана Джона Донована (Доновея), пешая рота капитана Эндрю Кейта (Анджея Кета), всего до 250 человек.

Выбранецкая пехота:

- рота Кшиштофа Олдаковского с брестских королевских экономий, рота Кшиштофа Чаславского и Яна Укольского с шавельских экономий, Валериана Войдата с неизвестных экономий. Всего – до 300 человек.

Итого, согласно ставкам жолда, - 1 000 гусар, 400 рейтар, 300 казаков, 500 лисовчиков, 600 литовских пехотинцев, 80 иноземных драгун, 170 иноземных мушкетеров, 300 выбранцев, 2 200 конницы и 550 пехоты и драгун, всего с конца сентября до конца октября в лагере Радзивилла в Курляндии должно было находиться от 2100 до 3 000 человек при 4 орудиях.

В гарнизонах Кокенгузена (рота Яна Копца и выбранцы, до 250 человек), Ронненбурга (отряд Курца до 100 человек, затем рота выбранцев Кшиштофа Олдаковского), Вольмара (отряд подстаросты вилкомирского Мацея Коса в 100 человек) и Мариенбурга (отряд Яна Порембского, до 200 человек) насчитывалось до 600 человек. На деле численность литовских войск была еще меньшей из-за несоответствия оговоренного в патентах состава фактическому, боевым и небоевым потерям в людях и конях, дезертирства и ухода со службы.

Начало боевых действий

27 сентября войско шведского короля переправилось через реку Дюну (Даугава, Западная Двина, Дзвина) и двинулось на Митаву. Хотя колонны с обозами и артиллерией тянулись по плохой осенней дороге невероятно медленно, гетман узнал о выступлении неприятеля только 1 октября. Он немедленно выслал для защиты столицы герцогства Курляндского и Семигальского отряд ротмистра Войцеха Рачковского и войскового обозного Анджея Пршистановского в составе роты литовской пехоты, двух пушек и обоза в 15 палуб. Однако подмога опоздала, так как для обороны Митавы курляндским гарнизоном и городским ополчением не было предпринято решительно ничего. Собственно говоря, обороны никакой и не было. Уже 2 октября шведский король принял капитуляцию столицы герцогства и ключи у вышедшей ему навстречу за полмили от города депутации магистрата. Перед этим герцог Фридрих Кеттлер с двором и гвардией выехал из Митавы в Бауск.

В том, что стольный град с довольно сильным замком на острове среди реки Аа Курляндской (Лиелупе) сдался так легко, не было ничего удивительного. Как отмечалось выше, герцог Фридрих, для вида держа сторону Речи Посполитой, но желая сохранить свою маленькую странишку в битве двух могущественных держав, вступил в тайный сговор с королем шведским. Однако и вассальные отношения с Сигизмундом герцог прерывать так сразу не собирался. 7 октября изгнанный из своей столицы герцог Курляндский прибыл к гетману и заночевал в его лагере, на следующий день гетман визитировал лагерь герцога. Стороны, воздав должное богу Бахусу, договорились о совместном выступлении.

10 октября гетман объединил свое войско с тремя конным и и пешими хоругвями герцога Фридриха и пошел к Митаве. Не доходя мили полторы до города, у местечка Анненбург на реке Муйжа (Муса) передовая конница литвинов наткнулась на конных шведов на фуражировке и разбила их, положив на месте человек сто. (Вообще-то к данным польских реляций, как, впрочем, и российских, всегда нужно относиться очень осторожно. Как показывают более глубокие исследования, эти цифры всегда нужно делить на три, то и на четыре.) Выяснив положение и силы врага, Радзивилл стал на Муйже лагерем, приказав строить шанцы по обеим берегам реки и наводить мост.

Узнав о движении противника, Густав Адольф вышел с войском из Митавы ему навстречу. 12 октября шведы подошли к реке, остановились и тоже стали окапываться, прикрывая фланги лесом и холмами. Литвины в ожидании битвы перестреливались с противником, конные гарцовники, перейдя реку, гарцевали ввиду неприятеля, провоцируя его, что не возымело действия, хотя войско Густава превосходило минимум вчетверо. Тогда князь Радзивилл выслал к шведскому королю парламентаря – старосту трейденского Бенедикта Валя и благородным образом пригласил к сражению (в XVII веке еще бытовал этот пережиток рыцарских эпох.) Но на вызов противник не вышел. Интересно, что судя по шведским источникам, шведский король якобы тоже вызывал Радзивилла на бой, и тоже безуспешно! Разгадка данного парадокса, видимо, в том, что ни одна из сторон не рискнула начать сражение наступлением, предпочитая встречать неприятеля на своих укрепленных позициях, но готовность драться все-таки демонстрировала.

В этот, можно сказать, кульминационный момент герцог Курляндский почему-то вдруг заторопился и решил покинуть литовский лагерь со своими людьми, оставив Радзивиллу всего лишь одну рейтарскую хоругвь (надо полагать, для того, чтобы достоверно подыграть ?и нашим, и вашим?.) Судя по последующим письмам гетмана, уже тогда его стали тревожить смутные сомнения относительно верности Его Светлости Его Королевской Милости и Республике, но тогда вслух он никаких обвинений не высказал.

У литвинов, казалось бы, дело стало совсем табак, - соотношение сил было далеко не в их пользу. Однако наутро 13 октября они с приятным удивлением обнаружили, что шведы... ушли! Правда, отошел Густав недалеко, до Митавы, и через три дня вернулся обратно с двумя тяжелыми картаунами и четырнадцатью полевыми орудиями, возможно, из курляндских же арсеналов. Пушки, чтобы не волочить

их упряжками лошадей по раскисшим дорогам, король приказал сплавить на плотках по реке Муйже. Шведы также принялись строить свой мост. В то же время мост, который строили литвины, снесла раздувшаяся от осенних дождей река, поэтому чужеземную роту Кейта, которая закрепилась на том берегу, пришлось отводить обратно.

Сначала умозрительно, а окончательно через шпионов и пленных гетману стал ясен план противника - разгромить артиллерией литовский стан, а потом, переправившись через Муйжу, обойти его, прижать к реке и уничтожить. В таких обстоятельствах Радзивилл принял единственно правильное решение - 16 октября он быстро снялся и отошел назад, в свой старый укрепленный лагерь у Бауска.

Там, видимо, не желая оказаться в неловком положении полководца, уклоняющегося от сражения, гетман через трубача выслал "кнезу судерманскому" новый вызов на бой. Но Густав снова его не принял и отошел от Анненбурга обратно в Митаву. Видимо, перспектива легкого занятия курляндских городов и замков ему нравилась больше, чем штурм вражеской укрепленной позиции. А может быть, шведский король, как неоднократно обвинял его в том Радзивилл, просто не хотел рисковать, выходя из "фортелей" в чистое поле? Так или иначе, понять Густава Адольфа можно. Черт их знает, этих литвинов... Ведь разбил же гетман Ходкевич при Кирхгольме в 1605 году с тремя тысячами своих гусар и казаков одиннадцать тысяч пехоты и конницы короля Карла!

Стороны заняли выжидательную позицию, ограничиваясь конными разведками и стычками, иногда высылая парламентаров с вызовами на бой и с целью размена пленными.

2 ноября в литовский лагерь пришли из Вильно от канцлера Сапеги две новости – одна радостная, другая печальная. Турок разбили под Хотинном, был заключен мир, по поводу чего "триумф был в обозе и чувствовали воинство". Но торжество омрачилось вестью о том, что еще до окончания великой битвы скончался победитель, спаситель Речи Посполитой, великий гетман литовский Ян Кароль Ходкевич. Этот пост стал вакантным. Обычно его наследовал польный гетман, но наследует ли его "евангелик" (кальвинист) и оппозиционер князь Радзивил, зависело от того, сумеет ли главнокомандующий отразить вражеское вторжение.

Само собой, известие о мире поляков с османами далеко не обрадовало короля Густава Адольфа, но его тревога была совершенно напрасной, - гетман Радзивилл не получил с Подолья ни одной хоругви. Огромная 100-тысячная армия, собранная для спасения Речи Посполитой, была распущена. Те жолнежи, что получили жолд, отправились восвояси. Те, что не получили, коих было большинство, вышли из повиновения власти и предъявили ей требования о выплате денег, занявшись пока что грабежом окрестных королевских экономий и монастырей.

Прошло уже полгода с начала войны, а в литовском лагере не насчитывалось и трех тысяч воинских людей. 19 октября подошли четыре жмудские гусарские и казацкие хоругви, но на следующий день ушла хоругвь вилкомирского повята. Хотя гетман после шведского наступления разослал гонцов в Жмудь и Литву, но подкреплений практически не получил. Несмотря на то, что "Ганнибал" оказался у самых ворот, литовские "римляне", вместо того, чтобы согласно установлению союзного сейма собрать как положено, всеобщее посполитое рушение, принялись совещаться и митинговать в своих трибуналах и сеймиках. Дескать, мы последний рубеж обороны Отечества, и негоже его оголять. А вдруг разобьет швед гетмана, кто же тогда Литву защитит? Шляхта, явно пользуясь поддержкой старосты жмудского Воловича, повятовых старост, маршалков и земских хорунжих, постановила взамен посполитого рушения выслать в лагерь в течение двух-трех месяцев всего шестьсот собранных по-гусарски и по-казацки всадников за счет повятов сроком на квартал. Да еще и посоветовала гетману в своих приговорах во избежание "как бы чего не вышло" не подставляться под удар неприятеля.

Все, что мог на это ответить Радзивилл, так это строго указать землякам-согражданам, что решение их противоречит закону и постановлениям сейма Речи Посполитой. Мол, панове, давайте не противоантikonституционствуйте! А что ему было делать? Он жил в демократической стране! Народ

шляхетский сам решает, когда ему воевать и на каких условиях, и никто ему не указ, кроме него самого в лице его лучших представителей. Это у короля Густава Адольфа и государя Петра Алексеевича было под ружьем столько людей, что с их помощью они могли не только сколь угодно долго воевать чужие страны, но и набирать сколь угодно много новых солдат, жестоко карая тех, кто рекрутов не давал и на войну идти не хотел. А у Сигизмунда и Радзивилла каждая хоругвь была наперечет...

В октябре людей в лагерь прислали только повяты вилкомирский (хоругвь в 100 гусар Яна Голеевского), упитский (100 гусар Кшиштофа Бялзора) и трокский (40 гусар и 60 казаков Валенты Танского.) Причем с последнего люди прибыли на таких конях, на каких, по отзыву гетмана, только палубы возить. В то же время две роты, отслужившие срок, пришлось отпускать.

Лисовчики

После заключения Деулинского перемирия 1617 года лисовчики, лихие конники Александра Юзефа Лисовского, годом ранее скончавшегося в походе прямо в седле, ушли наконец из Московии, разоренной ими от Путивля до Белого моря. Репутация их была такова, что король Сигизмунд повелел, чтобы копыта этой конницы по Речи Посполитой не ступало. Лисовчики нанялись кто в Молдавию к Ходкевичу, кто в Трансильванию воевать с Габором Бетленом, кто к имперцам в Чехию, бить протестантов. После сражения при Белой Горе в 1620 году, где они взяли десятка два знамен, по многочисленным жалобам пострадавших от них княжеств, городов и сословий император Фердинанд выставил из страны этих башибузуков. Невостребованными они оставались недолго - полк лисовчиков Петра Якушевского в 500 коней из трех хоругвей - полковника Якушевского, Кшиштофа Дружбича и Якуба Рожича перешел на литовскую службу.

В Лифляндии лисовчики сразу же "пошли на дело". Перейдя Дюну в середине октября, казаки Якушевского разорили и залили кровью Лембург (Малпилс) и окраины Икскюля (Икшкиле), подскакали к самой Риге, подняли переполох у валов и городских ворот, разбили на дороге обоз с ранеными и больными шведскими солдатами. Потом, проделав ночной марш в 14 миль, пришли к Вендену, вихрем прошли по городу, потрепали и загнали в замок шведский гарнизон, взяв в плен двух капитанов.

Базируясь на занятые литовскими гарнизонами крепости, лисовчики бродили под Ригой с октября по март. Большого военного ущерба неприятелю они не нанесли, как не взяли и значительной добычи. Главными результатами их рейдов были разорение многострадального края. Вместе с тем они напомнили и противнику, и рижанам, и жителям взятых и пока не взятых лифляндских городов, что еще Польша не згинела и власть всяко может повернуться. Такая угроза потребовала от шведов держать гарнизоны и мобильные силы во всех сколь-нибудь важных пунктах Лифляндии.

Бороться с набегами лисовчиков было весьма затруднительно. Они применяли татарскую тактику - шли в "подъязды" налегке, без обозов, на трех-четырех выносливых и быстрых заводных конях, на которые торочили припасы и добычу, могли в любой момент неожиданно появиться где угодно, ударить наудачу и безнаказанно уйти, чтобы вынырнуть в другом месте. Нередко эти волки в человеческом образе в своих рейдах убивали всех встреченных по дороге, чтобы замести следы, наводили жестокий террор и панику, огнем и мечом подавляя волю к сопротивлению. Про них неслась молва, что "они не щадят на своем пути ни детей, ни собак.»

Хотя конница лисовчиков была прекрасным инструментом подъездовой войны, а сами казаки - несравненными наездниками, рубаками и стрелками, но они и их вожди отличались своеволием и непредсказуемостью. Приказы избранного ими полковника (атамана) они ставили выше приказов и артикулов гетмана, а решения круга (коло) - выше приказов своего полковника и ротмистра, что часто срывало взаимодействие. Лифляндию, провинцию Речи Посполитой, лисовчики считали своей военной

добычей, что создавало проблемы с местным населением, которое отшатывалось в поисках защиты к шведам.

Впрочем, и во всем стане Радзивилла падали дисциплина и боевой дух, из-за неплатежей жолнежи становились ненадежны, выбранцы разбежались, гетману все чаще приходилось рубить головы. Начались дожди, холода, болезни и эпидемии, бескормица, падеж коней. Герцог Курляндский, которому надоели грабежи литовской конницы, потребовал от гетмана снабжать войско через своих комиссаров.

Рига и Лифляндия

В отношении потерянной Риги Радзивилл вел активную разведывательную деятельность, получая сведения от шпионов, плененных и тайно оставшихся верными польской короне рижских патрициев об укреплениях и планах шведов. Но особых надежд на то, что город в ходе этой войны удастся вернуть, он, конечно, не питал. Многие рижане тайно держали сторону поляков, надеясь на возвращение в Речь Посполитую из рук шведских захватчиков, принесших упадок торговли, разорение и голод. В то же время ливонские рыцари, как доносил королю Радзивилл, "многие за Густава стоят, другие нейтралитет держат, с неприятелем связываться не смея, но и нам помогать не хотят. Не голословно говорю: подаю список тех, кто от неприятеля брал охранные грамоты, аренды и имения." Лифляндское дворянство фактически совершило измену своему сюзеру, - представители его 1 ноября 1621 года направили королю Густаву Адольфу депутацию с выражением готовности присягнуть ему на верность за сохранение прежних прав и привилегий.

Битва при Кроппенхофе

15 ноября Гонсевский с конным отрядом совершил поход к Далену (Доле) и Новой Риге (Фридрихштадт) и через товарища своей хоругви Петра Мровинского получил от тамошних старост, которые были польскими сторонниками, весьма важные сведения, вскоре подтвержденные и шпионами гетмана из Риги. ?Диариуш войны 1621-1622 годов ? от 17 ноября излагает: ?Получил гетман известие, что Густав с братом своим Карлом Филиппом и Понтусом Делагарди в Ригу пришел, а из Риги в Кокенгаузен идти хочет, и что часть конницы уже отправил. И приказал пану референдарю подготовить любыми способами и любой ценой 200 человек...? В письме подканцлеру литовскому и дяде Радзивиллу от 14 ноября гетман писал: "Густав, оставив в Митаве 7 тысяч войск с фельдмаршалом Врангелем, с братом, Делагарди и Мансфельдом ушел в Ригу, два последних с 3 тысячами пехоты, а 500 конницы пустил в Инфлянты, на Кокенгузен, чтобы лисовчиков отогнать..."

Потеря Кокенгузена, этой стратегически важной крепости, привела бы к тому, что шведы окончательно овладели бы Лифляндией и вышли на дороги, ведущие в Литву и Курляндию. Лисовчики не сумели бы использовать это "окно" для набегов, и в то же время, выйдя из крепости, конные партии противника могли бы свободно рыскать по всей Литве и Жмуди. Гетман приказал Гонсевскому, взяв лучшую конницу и пехоту, перехватить кавалерию противника по дороге к Кокенгузену.

15 ноября, в четверг, в поход выступили следующие силы:

- гусарская рота референдаря литовского полковника Александра Корвина Гонсевского, поручик Мельхиор Будзиевский, хорунжий Ежи Оржеховский;
- гусарская рота княжества жмудского Самуэля Гештовта, командовал поручик Ян Боровский;
- гусарская рота упитского повята Кшиштофа Бялзора, командовал поручик Вендзяговский;
- гусарская (рейтарская?) рота Георга Врангеля;
- рейтарская рота Эвальда Сакена;
- казацкая рота Давида Константиновича;

- казацкие жмудские роты Ивановского и Гольяна;
- частные гусарские и казацкие почты старосты жмудского Яроша Воловича и подскарбия литовского Кшиштофа Нарушевича;
- иноземная пехотная рота из немцев и шотланцев Эндрю Кейта (Анджея Кета);
- пешая, скорее всего, литовская рота Михайловского;
- рота брестских избранцев Кшиштофа Олдаковского.

Точная численность конных и пеших рот отряда (полка) Гонсевского известна лишь приблизительно. Первоначально он насчитывал 1 033 человек, и ни одна рота не была полной. Несмотря на то, что в поход отбирали лучших людей на более-менее хороших конях, многие по пути подбились, отстали или были отправлены назад. Не от хорошей жизни послали сражаться с вымуштрованными шведами избранцев (рота Олдаковского из них была лучшей.) Пехоту Гонсевский отправил вперед. Он рассчитывал, что к нему за Двиной присоединятся лисовчики числом до 500 сабель, но их полковник Петр Якушевский, приказ гетмана о слиянии сил проигнорировал, своим письмом Якубу Рожичу приказав никуда не двигаться до его приезда, а приказам Гонсевского не подчиняться, ожидая выплаты обещанных гетманом денег "наравне с боярами".

Что касается противников литвинов, то из Риги вышел на Кокенгузен кавалерийский отряд генерал-вахтмейстера полковника Самуэля Коброна в следующем составе:

- лейб-рота кирасир короля под командой Юргена Майделя, лейтенант Эрик Тотт (более 100 коней);
- рота кирасир герцога Карла Филиппа по командой Закариаса Паули (более 100 коней);
- финские рейтарские роты Йенса Курка, барона Отто фон Гроттхузена и Олафа Дуфвы, причем последний в походе не участвовал по болезни, роту вел лейтенант Ханс Бенгтсон (всего до 350 коней);
- Лифляндский адельсфан барона фон Таубе под командой барона Отто фон Иксюля (более 70 коней);
- драгунская рота Вильгельма де ла Барра (более 80 коней).

С отрядом следовали два воза с порохом и три петарды на тележных устройствах для подрыва крепостных ворот Кокенгузена. Общая численность шведского отряда – от 700 до 770 всадников, не считая челяди, обозных, женщин и маркитантов. Таким образом, если к началу похода соотношение сил составляло 1,3 : 1 в пользу литвинов, то к началу битвы уже 1,5 : 1 в пользу шведов. Впрочем, этнических шведов в отряде шотландца Коброна было мало – он состоял из немцев, финнов, эстляндцев и лифляндцев, а также выходцев из Британских островов и Франции. Быть может, отряд Коброна и избежал бы своей участи, так как накануне король, получив сведения о походе Гонсевского, направил гонца с приказом отойти, но приказ опоздал.

Вечером с четверга на пятницу 15-16 ноября Гонсевский подошел к берегу Двины, но по реке шла шуга и плыли льдины, препятствуя переправе, дождь сменялся снегом, переходящим в метель. Здесь референдарь получил известие от ротмистра Валенты Танского, чья маленькая трокская хоругвь оперировала за Двиной в районе Кокенгузена. Танский, с большим риском переплыв реку на утлом челне, сообщил, что его шпионы видели большой отряд шведов на рижской дороге у Зунцеля (Сунтажи) и мызах в четырех милях от крепости. Гонсевский укрыл основные силы в лесу, запретив разводить костры, а сам с конной и пешей ротами прошел вдоль реки, рассчитывая, что вражеская разведка или шпионы из местного населения наверняка приняли бы ее за хилое подкрепление, направленное гарнизону Кокенгузена, но не за угрозу отряду Коброна. Затем отряд, используя собранные в близлежащем Зельбурге (Селпилс) ладьи и лодки, сумел форсировать реку и в субботу 17-го прибыл в Кокенгузен, Гонсевский провел смотр, показавший наличие в строю 845 конников и пехотинцев, и дал промокшему до нитки отряду краткий отдых. Староста и местные офицеры в один голос заявили, что против шведского осадного войска старая крепость с ее обваливающимися стенами не удержится и двух дней, и часть пехоты полковник оставил для

усиления гарнизона.

Жолнежи, проделавшие долгий марш, ночевавшие в лесу под снегом и дождем, а затем плывшие с конями в студеной реке, стали роптать на отсутствие провианта и фуража, так как припасов взяли всего на три дня, и потребовали или подтянуть возы с припасами, или возвращаться в лагерь. Но обратной дороги у Гонсевского не было. Тем более появились дополнительные сведения о противнике.

В полночь с 17-го на 18-е у Кокенгузена шведский разъезд напал на казацкую роту Константиновича, стоявшую на биваке. Завязался бой, к казакам на помощь пришла рота Ивановского и другие. В схватке до двадцати шведов перебили, остальные бежали в лес. Был взят язык, рейтар роты герцога Карла Филиппа Ханс Бернтрик, который на допросе показал: его конный regiment под командой Коброна из пяти конных рот - короля, герцога, финляндской, эстляндской и драгунской, стоит в полутора милях от Кокенгузена, скоро придут еще четыре конных роты. А за ними ожидается все 10 -тысячное войско, которое ведет сам Густав. Взяв Кокенгауз, король намерен идти брать Динабург, а потом и Дерпт, где и зимовать.

Промедление было смерти подобно. В этих обстоятельствах Гонсевский, который недаром в своей военной биографии побывал комендантом Кремля и начальником московского гарнизона, принял единственное верное в этой ситуации решение: выступить немедленно, атаковать – и пан или пропал!

Состав его отряда и порядок движения, как и саму битву при Кроппенхофе (Кропимуйже), в стихотворной форме описал участник похода, известный польский поэт, боевой гусарский офицер и чиновник Речи Посполитой, соратник и клиент Гонсевского, товарищ его хоругви шляхтич Ян Куновский в своей документальной поэме “Экспедиция инфлянтская против Густава Адольфа, князя Судерманского, объявленного шведским королем бесчинно и не в свой черед, под regimentом князя Радзивилла во время волошской экспедиции с Турком в 1621 году Господнем исправленная»:

На походе в том порядке они поспешали:
 За стражником Кржижевским дальше строй держали
 Две казацкие хоругви, - с первой Ивановский,
 Со второй - Константинович, пан Посудзиевский.
 Дальше Врангель, Хладовицкий, Кет и Михайловский,
 И с гусарской жмудской ротой поручик Боровский.
 За жмудинами - хоругвь самого полковника,
 Да при стражнике с полсотни удалых гарцовников.
 Дальше Вендзяговский вел упитскую роту,
 За ним - Сакен и Гольян. Брестскую пехоту
 Олдаковский предводил, в арьергарде следовал.
 Построенья такого лес густой потребовал...

(Перевод автора)

Передовой отряд возглавлял войсковой стражник, товарищ хоругви Гонсевского Владислав Кржижевский, имея под командой до 40 ?харцовников?. Так в польско-литовском войске называли передовых наездников, задачей которых была разведка боем, стычки с охранением и авангардом противника ("харц"), провоцирование его на сражение в открытом поле, с тем, чтобы подставить под удар гусарской конницы (именно от них получила свое название детская организация польских скаутов – ?харцеров?.)

Под вечер воскресенья 18 (28) ноября 1621 года ("солнце было на колу воза") литовское войско, двигаясь по рижской дороге, открыло противника, стоявшего на трех близлежащих хуторах имения Кроппенхоф (Кропимуйжа) у одноименного озера. Появление литвинов явилось для шведов полной неожиданностью. Коброн впоследствии доносил королю: ?Огромное несчастье случилось с нами в этот

день – их солдаты так нажали на наших, что те не успели собраться...?

Однако прекрасная возможность захватить врасплох неприятеля, разбросанного по избам и хозяйственным постройкам на большой площади, все-таки была упущена. На литовскую пехоту наткнулись шведские фуражиры и подняли тревогу, в лагере Коброна ударили барабаны и затрубили трубы. Кавалеристы Густава Адольфа показали прекрасную выучку – основная их часть сумела быстро подняться и развернуться на поле даже ранее того, как это сделали их неприятели, долго выползавшие одной колонной по узкой лесной дороге. В первой линии на правом крыле стали строиться лейб-роты, за ними финны, на левом крыле в первой линии – эстляндцы, за ними драгуны.

Маленькому литовскому авангарду не оставалось ничего другого, как атаковать с ходу. Кржижевский с харцовниками, поддержанный затем Врангелем, ударил по шведам и причинил им значительные потери, что дало время вывести из леса и развернуть конницу. Однако эта атака стоила гибели лучших командиров – пал храбрый Кржижевский, был смертельно ранен барон Врангель.

Литвины окружили ближнюю ригу или овин, где оказалась блокирована шведская рота, и подожгли ее, запалили стога сена и деревья на опушке. Пользуясь задымлением, колонна стала разворачиваться к бою. На левом крыле первой стала жмудская рота Боровского, к ней быстро пристраивались с фланга гусары Гонсевского.

Настала очередь атаковать шведам. Отличные кирасиры герцога-наследника, построенные в три сплоченные шеренги, издав боевой клич, поскакали на врага в свой первый бой. Перейдя с шага на рысь, затем на галоп, при сближении они дали залп из пистолетов, эффект от которого, впрочем, был невелик – упали несколько всадников и коней. Жмудские гусары приняли кирасир в копья и палаши, началась рубка. В дело вступила рота Гонсевского, половина товарищей и пахоликов которой уже вышли из леса. Ее копейный удар по всадникам Карла Филиппа оказался удачен, побили много кирасир, взяли ротный штандарт. Однако на выручку товарищам пришла королевская хоругвь Густава Адольфа, отбросившая к лесу гусар, многие почтовые-шеренговые которых еще только выходили на опушку.

В критический момент боя Гонсевский порывался было лично повести свою роту, но товарищество стало его удерживать: “Не твое, пан полковник, дело – впереди роты скакать! Только бардзо шкоды наделаешь, ты уж нам поверь! Вождь один своею рукой много не нарубит, а сам погибнет – тысяча с ним пропадет!” Пока там старшие товарищи препирались, молодой и пылкий хорунжий Оржеховский самочинно скомандовал атаку и с кличем “Езус, Мария!” рота поскакала в бой. При этом драматизм ситуации обостряло и то, что в предшествующей атаке половина гусар обломала или потеряла копья, свое главное оружие, как и то, что у шведской конной гвардии было двойное преимущество – их было примерно около 110 кирасир против 60-70 гусар.

Встречные атаки двух элитных хоругвей, представлявших различные военные системы, изобиловали драматическими моментами. Гусары атаковали с опущенными копьями, а когда они ломались, брались за кончары (палаши), сабли и клевцы. Шведские латники скакали в атаку колено к колену, действуя пистолетами и мечами, в конной сшибке стремились попасть в незащищенные доспехами места противников, поразить лошадей. Схватка была такой тесной, что, по свидетельству Гонсевского, шведы мешались в ряды литвинов.

Кирасиры Густава и остатки роты Карла Филиппа провели против гусар Гонсевского и Боровского две-три атаки - караколя, показав блестящую выучку. Это вынужден был отметить даже литовский полководец: “Так были справны и учены, что даже разбитые и разорванные, быстро строились в порядок и снова с нашими сражались...” Но в конечном итоге сказалось преимущество литвинов во владении холодным оружием, а также то, что врубались в сечу подоспевшие рейтары Сакена и казаки Константиновича, Ивановского и Гольяна. Элитные кирасиры шведского правого фланга и не столь крепкие эстляндцы левого фланга были опрокинуты и “дали плечи».

В ходе атаки и преследования шведов обошли и прижали к озеру. Драгуны де ла Барра бросили коней и

пешими стали уходить по тонкому ноябрьскому льду, чем и спаслись – лед не выдерживал тяжести конных. Их ротмистру попадаться литвинам в руки не было никакого резона: после капитуляции Риги он изменил Сигизмунду, перейдя на службу Густаву Адольфу. В случае пленения его могли бы просто не довести до гетмана и войскового судьи (“Что, сынку, помогли тебе твои шведы?”), фигурой шевалье украсили бы ближайшее дерево, либо просто отмахнули башку саблей. Принимая желаемое за действительное, Гонсевский потом писал Радзивиллу, что шляхтич Дробуш заявлял ему, что якобы лично видел “Лабару» среди убитых, а знамя его роты захвачено. Однако тот не только ушел живым со знаменем и людьми, но затем еще не раз отличался в войнах с литвинами и поляками, а его правнук стал одним из лучших кавалерийских начальников Карла XII. За бегство с поля боя с оставлением материальной части? де ла Барр, как и прочие командиры, не был наказан – король Густав ценил своих офицеров и не рубил ценным военным специалистам головы за поражения, в которых не было их вины.

Бегство эстляндцев и драгун привело к тому, что финнов зажали с двух сторон. Роты Йенса Курка и Олафа Дуфвы вырубili почти полностью, - из первой к своим потом добралось всего 9, из второй – 14 рейтар. Ротмистр Отто фон Гроттхузен, как и Йенс Курк, испытанный ветеран похода в Московию и участник битвы при Клушине, сумел вырваться с большинством своих людей. Потери его роты составили всего 5 человек убитыми и 5 ранеными из 105 рейтар и до половины лошадей. Эстляндцы и лифляндцы фон Иксюля также понесли сравнительно небольшие потери.

Преследование продолжалось до наступления темноты. На поле брани литвины насчитали потом 280 убитых врагов, в числе которых, возможно, были и некомбатанты. К тому же, видимо, многие отступившие впоследствии умерли от ран и обморожений. Как доносил королю Коброн, которого вынес из битвы верный конь, “кто спасся, был без провианта и одежды, не успев как следует одеться...” Наутро, собирая оставшийся личный состав, полковник едва нашел людей на хороших конях, чтобы отправить их с горестной вестью к королю.

Среди командиров потери шведов были невелики. Приводимые Гонсевским данные о том, что ушло на конях всего 20 шведов, а также что погиб Закариас Паули, ротмистр роты герцога Карла Филиппа, неверны. Паули, как и его брат, ротмистр финской роты Андерс Паули, остался жив и служил королю еще долгие годы. Что касается командира отряда генерал-вахтмейстера Самуэля Коброна, получившего в худшем случае легкие раны, то через месяц он умер при осаде Вольмара, скорее всего, от тифа, косившего шведскую армию. Утверждение некоторых польских хронистов и историков, что он скончался от полученных при Кроппенхофе ранений, не соответствует действительности. По королевскому указу славный прах героя многих войн, «сына Шотландии, о гибели которого скорбит Швеция и злорадствует Польша», по его завещанию погребен в Кафедральном соборе в Або (Турку) с подобающей высокопарной эпитафией. Память о полководце долго оставалась и в Риге в имени заложенного им во время осады города Коброн-шанца.

Пленных литвины взяли немало, но немногие из них сняли пощаду у победителей, разъяренных боем, ранами и потерей товарищей. Часть несчастных положили на месте, других перебили на пути в лагерь, куда довели всего 14 человек. Гонсевский, отговариваясь неведением, и поэт-летописец битвы Ян Куновский свалили вину за это военное преступление на пахоликов и казаков (конвоировать пленников в лагерь поручили казацкой роте Константиновича.) Но очень похоже на то, что начальники и благородные паны-товарищи просто закрыли глаза на данное варварство, если сами не приняли в нем личное участие. Кстати – гетманские артикулы Жолкевского 1609 года не предусматривали наказания за убийство пленных.

Далеко не все люди Коброна, оказавшись в безвыходном положении, сложили оружие в надежде на сомнительную милость врага. Гонсевский пишет, что иные «...после разгрома своего лагеря и стоянок в домах оборонялись так долго, пока их не сжег огонь, взрывы пороха и петард, для Кокенгузена снаряженных...» Два молодых финских корнета-знаменосца, потеряв коней и не желая сдаваться в плен со штандартами своих рот, забрались на бочки с порохом, отвечая выстрелами на предложение литовского

командующего о сдаче. Как полагал Гонсевский, занижая их подвиг, они бы сдались, но так как польского языка шведы не понимали, а трубача для подачи сигнала рядом не оказалось, то корнеты взорвали себя, свои знамена и запасы пороха. Правда, три подмокшие петарды литвины захватили.

В плане воинской славы куда почетнее убитых и пленных были взятые знамена, поднесенные впоследствии королю Сигизмунду. Всего в руки литвинов попали пять ротных знамен, еще два их противники успели сжечь (вернее, их взорвали вместе с запасами пороха два героя-корнета.) Штандарт своей драгунской роты де ла Барр, видимо, сумел унести с собой.

Главный трофей, белый с золотом королевский штандарт, гусары Гонсевского вырвали из руки погибшего смертью героя лейтенанта Эрика Тотта. В бою он был сбит с коня, потерял шлем, тяжелым гусарским кончаром ему разнесли голову. Лейтенант был не простым гвардейским офицером, а внуком самого Эрика XIV, - его мать была внебрачной дочерью короля. Так что в бою при Кроппенхофе пал фактически родственник королевской фамилии, двоюродный племянник короля Швеции.

Знамя роты лейб-драбантов Густава Адольфа по ходу дела было присвоено жолнежами, пропало навсегда, и описаний его не сохранилось. Рискнем предположить, что, пользуясь служебным положением, драгоценную хоругвь “замотал», не пожелав бросить к стопам короля, сам же Гонсевский. Если так, то понять его можно: приятно эдак небрежно показать гостям своего имения стоящее в углу затрофеенное тобою знамя телохранителей самого “кнеза судерманского»! (А Сигизмунд перебьется, не он его с боя брал...)

Взято было также знамя роты герцога Карла Филиппа Седерманландского. Ян Куновский описывает штандарт так: весь вышитый золотом, с одной стороны над золотым кораблем надпись по латыни: “Ite iuvat grato spatiosa per equora vento” (“С попутным ветром приятно плыть просторами морей»), на другой стороне изображение Святого Духа в виде белого голубя и еще один девиз: “Sub umbra alarum tuarum” (“Моя защита под сенью твоих крыл».) Третий штандарт, по описаниям Куновского, был целиком красным, четвертый в черно-желтую шаховницу - его захватил, зарубив знатного шведского офицера, подстолий смоленский Петр Мровинский, товарищ хоругви Гонсевского и дальний предок великого советского дирижера Георгия Мравинского. Пятый штандарт - голубой, расписанный золотом, шестой такой же, но с вышитым красным шелком сердцем. Учитывая то, что драгунская рота де ла Барра единственная не потеряла своего знамени, можно предположить, что были захвачены знамена трех финских рот и Эстляндского адельсфана, где была не одна, а две роты и соответственно два знамени.

Если говорить о литовских потерях, то они были достаточно велики относительно общей численности. Погиб стражник Кржижевский, через неделю умер от раны ротмистр Врангель, были тяжело ранены Константинович и хорунжий Оржеховский. Причем потери были значительны не столько в людях, сколько в конском составе. Кавалерист без лошади - это ноль в статистике боеготовности. Согласно донесению Гонсевского, в битве в его роте убило двух пахоликов (почтовых) и 17 лошадей, несколько товарищей и почтовых было ранено. Казалось бы, потери роты, на которую легло основное боевое напряжение, оказались минимальны. Однако согласно данным последующего смотра 4 декабря в Кокенгузене, в роте Гонсевского из 170 коней, имевшихся к началу битвы, осталось 40 здоровых. Гонсевский пишет: "В хоругви его милости старосты жмудского, пана Врангеля, пана Константиновича много товарищей и пахоликов поранено, коней много побито, так как против шведов с большой доблестью стояли."

В почте старосты жмудского Воловича осталось в строю 18 боеспособных жолнежей из 50, в роте Боровского – 25, Вендзяговского – 26, Сакена – 28, Ивановского – 30, Гольяна – 40, Константиновича – 18. Жолнежи роты Врангеля по истечении срока службы отказались ее продолжать и вернулись в лагерь.

Таким образом, всего в полку Гонсевского остался 161 годный для боя кавалерист из 400-500, имевшихся в строю к началу битвы, остальные кони пали, нуждались в лечении или подлежали выбраковке. Причем потери в конском составе несли и после Кроппенхофа.

Дорогостоящим гусарским коням нужен хороший уход и своевременное, специальное и достаточное кормление, их нельзя употреблять по повседневным надобностям, а только для боя. Если их нещадно гонять длинными зимними переходами несколько дней по снегам и наледи, форсировать на них замерзающие реки, долго не расседлывать, оставлять в морозную ночь на коновязи, а не в теплой конюшне, давать веточный корм, поить и кормить в запале, вовремя не ковать, не лечить потертости, копытницы, опухшие бабки, всякие прочие болячки и боевые раны, они неизбежно выходят из строя. Всякие прочие лошади, в том числе трофейные малорослые шведки, финки, лифляндки и эстляндки, гусарским не замена. Казацкие строевые кони, главным образом местной или подольской породы, хоть неприхотливей и ценой куда дешевле гусарских, - тоже по натуре не лошади Пржевальского.

Еще хуже было положение с пехотой. В чужеземной роте Кейта к смотру насчитывалось 28 здоровых и 15 больных, в выбранецкой роте Олдаковского - 45 здоровых и 5 больных. Каковы были боевые и небоевые потери, сказать трудно, но вышедший из-под Бауска тысячный отряд за две недели подтаял, как снежный ком, уменьшившись в четыре раза. Поэтому говорить о реализации результатов победы и вообще о какой-то дальнейшей активности отряда Гонсевского, составлявшего до битвы большую и лучшую часть литовского войска, не приходится. К тому же в конце ноября зарядили непрерывные дожди, сделавшие невозможными боевые действия.

Гонсевский установил связь с действовавшим под Ригой у Зунцеля ротмистром полка лисовчиков Дружбичем, но взаимодействия не получилось. У того из 200 людей осталось всего 100, остальные разошлись грабить окрестности, и быстро собрать вместе их можно было только репрессивными мерами, на что ротмистр идти не хотел. Гонсевский доносил гетману о лисовчиках: "Требуется прервать доставку в Ригу товаров, провианта, дров, да не с кем. Эта сборная дружина ничего помимо (решений) своего круга делать не хочет, разошлись врозь, а ротмистр себя по людям ставит. Нужно их в этой компании распустить как шкодней (вредителей), а роты раздать по полкам..."

Лисовчики поймали направлявшегося из Риги латыша, который сообщил, что к шведской пехоте, которая строила мост через реку Огра, прискакали 22 спасшихся после битвы рейтара, после чего по приказу самого Густава Адольфа всю пехоту с артиллерией отвели в Ригу и закрыли городские ворота. Шведы явно были в убеждении, что их целый конный полк смела какая-то неведомая грозная сила. (Гонсевский писал гетману: "Отдаю в суждение Вашей Милости, и всех способных видеть, есть ли подобное тому, как такая малая горстка сразила такую силу неприятельскую...")

Имела ли победа при Кроппенхофе хоть какое-то значение? Многие польские и шведские историки считают, что не имела. Что такое триста убитых в масштабе войны? Действительно, король Густав писал Флемингу: "поляки напали врасплох и порубили две наших роты." А этих рот у него было более двадцати! Однако, рассуждая объективно, вроде бы частный успех литвинов приобрел стратегическое значение. Так как отряд лучшей ударной конницы вдруг вышел из строя, королю пришлось временно отказаться от взятия Кокенгузена и быстрого завоевания Лифляндии, собирать силы для борьбы с Гонсевским, лисовчиками и дерптским отрядом Денхофа. Радзивилл опять выиграл время, а шведский король опять его потерял. Возможно, как в свое время Наполеону и Гитлеру в России, Густаву Адольфу не хватило в Лифляндии одного месяца. Конец ноября был последним сроком для достижения его целей в 1621 году. Дальше уже выпал глубокий снег, наступили морозы, настала пора уходить на зимние квартиры.

После всех потерь и поражений Гонсевский и его всадники вновь показали шведам, что литовская конница, несмотря ни на что, осталась прежней – ведь каких-то пятьсот гусар разгромили превосходящую числом лучшую кавалерию шведского короля и сорвали его планы. После этого Густав Адольф вел себя с противником очень осторожно, редко рисковал выходить на бой в чистом поле и никогда больше не выпускал свою кавалерию против литовской без прикрытия пехоты и артиллерии.

Боевые действия под Митавой

В декабре Делагарди вывел большинство войск из Митавы на зимние квартиры и на родину, оставив в митавском замке всего шесть рот - по две от Уппландского, Норрландского и Енчепингского полков. Такой расклад побудил Радзивилла к активным действиям. Но действовать собирался и Густав, а именно - взять Вольмар, обороняемый маленьким гарнизоном подстаросты вилькомирского Мацея Коса, которому в ноябре уже удалось отразить один шведский приступ. силами эскадрона (батальона) пехоты Остготского полка. О том, что шведский король осадил крепость, гетмана предупредил староста румборкский Мацей Веселовский.

Радзивилл созвал военный совет. Что делать: отказаться от операции против Митавы и отправиться за 80 миль на север выручать Вольмар, или же пожертвовать второстепенной крепостью и попытаться отбить столицу Курляндии? Тут выразили свой протест ротмистры литовских хоругвей, отказавшиеся идти за Двину в Инфлянты и заявившие, что их дело только оборонять Литву. Решено было брать Митаву, а на север послать в рейд для отвлечения противника рейтарский отряд Николауса фон Корффа в 200 коней.

В рождественскую ночь на 25 декабря 1621 года отряд в составе рейтарской роты Сердана и роты немецкой пехоты Кейта неожиданно ворвался в Митаву, поднял стрельбу, переполох и занял город. Шведский гарнизон, комендант которого, Андерс Эрикссон Хастхувуд, не сумел оценить обстановку и организовать отпор, заперся в замке. Гетман, подтянув присланную ему накануне из Варшавы тяжелую артиллерию в составе 4 орудий и выбранные пехоту, осадил неприятеля.

В самом городе сразу же была восстановлена прежняя администрация герцога Фридриха. После того, как комендант отклонил предложение о сдаче, Радзивилл приказал приступить к осаде, для которой у литвинов было совершенно недостаточно людей, пушек, пороха, инженерных средств и опытных кадров. Замок находился на острове, образованном рекой Аа Курляндская (Лиелупе), кроме того, на отдельных участках был огражден рвом с водой, имел четыре средневековых башни и толстые стены. Крепостная ограда представляла собой бастионный фронт с валами. Горжа (скат) с восточной стороны имела две флешы без рва. В замке находились большие запасы продовольствия и боеприпасов, много артиллерии, но гарнизон насчитывал всего около 600 человек.

К тому же вести осаду зимой было очень трудно. Гарнизон Митавского замка, солдатам которого Густав Адольф приказал держаться до последнего, обещая пожизненное освобождение от военной службы, стойко отбивал штурмы и препятствовал осадным работам. Радзивилл писал королю в феврале 1622 года: "Как зима для взятия крепости удобна, Ваша Милость сам судить может. Имею, однако, надежду, что дело быстрее пойдет, как под валами два шанца построим, для разделения сил (гарнизона) и окружения замка. Двадцать человек пехоты при инженерных работах убито, много ранено. Рвы и галереи завалены снегом..."

10 февраля литвины пробили пушками бреши в стенах, но осажденные быстро успели заткнуть их мешками и ящиками с песком, а бросившихся на штурм только что прибывших в лагерь наемников-шотландцев и ирландцев Астона и Батлера отразили на валах плотным огнем. Литвины более не предпринимали атак, ограничиваясь обстрелом замка. Началась тяжелая полугодовая осада. Весной многие из литовских военачальников, офицеров и жолнежей разъехались домой, и кольцо вокруг Митавы сильно поредело. Пользуясь этим, Эрикссон отправил в Ригу гонца с призывом о помощи. Но помощь так и не пришла...

Боевые действия в Лифляндии

23 ноября Густав выехал в Нойермюлен и 10 декабря прибыл под Вольмар, в городок Аллаш (Алоя) на реке Аа. (Гауя). С Вольмаром Густав Адольф справился легко - приведенные им два пехотных полка и шесть конных рот с артиллерией оказались большим перебором против 28 выбранных гарнизона. 22 декабря король подошел к городу и на следующий день его взял. 24 декабря, не стесняясь днем Рождества

Христова, Густав начал бомбардировку замка, установив одну из пушек на колокольне собора. Замок капитулировал 25-го, гарнизон был отпущен в Ронненбург, успев спалить все что можно.

Ронненбург, как и города Смилтен (Смилтене) и Трикатен (Трикаты), продержался до самого перемирия, несмотря на то, что оборонявшие его белорусские выбранцы ротмистра Олдаковского к весне разбежались или перемерли, и ротмистр просил гетмана разрешения вернуться в лагерь для проведения нового набора. Врангель не предпринял никаких усилий для взятия этих городков. Мацей Кос, продержавшийся в Вольмаре с горстью людей четыре месяца, гораздо дольше, чем продержалась Рига, не понес наказания за сдачу. (Интересно, а знают ли жители маленького латвийского райцентра Валмиера о том, что их городку и замку, от которого для туристов остались одни развалины, оказал такую честь один из величайших полководцев прошлого?)

Уже в конце декабря королю пришлось отказаться от осады Дерпта и распустить армию на зимние квартиры. В январе Густав и герцог Карл Филипп отправились в Стокгольм на заседание риксдага. В пути заболел и 17 января скончался в Нарве герцог-наследник. Королевство понесло самую тяжкую утрату за всю войну. По мнению гетмана Радзивилла, каковое он сообщил в письме Сигизмунду, якобы наследный принц, узнав о гибели под Кроппенхофом своей любимой кирасирской роты, так огорчился, что впал в меланхолию и горячку и отдал Богу душу. Скорее всего, это лишь красивая версия, - герцог заболел внезапно и умер скоропостижно. Но если все было именно так, то молодецка атака литовских гусар имела далеко идущие исторические последствия.

После гибели Густава Адольфа при Лютцене в 1632 году страной стал править регентский совет во главе с Оксиеншерной при малолетней королеве Кристине. Войдя в возраст и вступив на престол в 1644 году, всемерно одаренная, подающая большие надежды, но взбалмошная девица рассорилась с канцлером Оксиеншерной, ее роскошный двор, фавориты и покровительство наукам и искусствам разорили и без того обедневшую страну. Екатерины Великой из Кристины не вышло. В 1654 году королева отреклась от трона, оставила родину, неожиданно для двора и своих подданных перешла в католичество и стала кочевать по Европе, приняв покровительство Римского Папы, изменив вере и делу великого отца. Когда Швеция перекрыла ей субсидии, она просила у католиков войско для завоевания Померании, доходы от которой ранее шли на ее содержание. Будь на месте Кристины Карл Филипп, история Швеции и Северной Европы могла бы пойти другим путем...

С наступлением зимы положение армии вторжения на лифляндско-курляндском плацдарме стремительно ухудшилось. Войска вошли в местность с нездоровым климатом, плохими условиями снабжения и расквартирования. Холода настали рано. Эта зима была немногим мягче прошлой, когда морозы явились рекордными в Европе за многие столетия - тогда полностью замерзло не только Балтийское, но и Черное море. Собранная среди населения Швеции и Финляндии зимняя одежда и обувь прибыла поздно, когда среди солдат уже начались массовые заболевания и обморожения. Хотя армия сильно сократилась из-за небоевых потерь и вывода в зимний период ряда частей в метрополию, снабжать ее становилось все трудней.

С конца ноября по начало февраля рижскому гарнизону вообще не платили жалованья. Провиант брали в долг у городов, купцов и частных лиц, солдаты по три дня не видели хлеба. Из-за невыплаты пивных денег они пили плохую воду и опять же массово болели. (В шведской армии пиво, напиток, приготовленный методом варки и законсервированный в бочках, был не просто продуктом питания, но и средством от желудочно-кишечных заболеваний, альтернативой сырой воде. В русской армии много позднее, в японскую войну, эту роль стал играть китайский чай, благодаря чему впервые за многие столетия небоевые потери стали меньше боевых.) Способствовала заболеваемости теснота и скученность - в Риге три пехотных полка были расквартированы всего в нескольких городских общественных домах.

Подвоз продовольствия в Ригу рано замерзшим морем прекратился, а подвоз с суши часто прерывался казаками. Торговлю с городом гетман Радзивилл лифляндцам и курляндцам запретил. Запрещено было и

хождение рижской монеты, - ее по указу короля Густава начали чеканить в Швеции, что еще более усилило инфляционные процессы. В ранее богатом процветающем городе наступил голод, вспыхнул голодный тиф, прочие хворобы, в отдельные дни умирало по 15 горожан и по 5-6 солдат. Среди рижан росли антишведские настроения, городская верхушка из польской партии тайно сносилась с Радзивиллом. Комендант фельдмаршал Яспер Матсон Крууз усилил воротную стражу, стал высылать на улицы конные патрули и запретил всякие общественные сборища. Не вынеся груза свалившихся на него проблем, он попросил у короля отставки.

Брюшной и сыпной тиф, дизентерия, гастроэнтерит, цинга, простудные и прочие заболевания привели к тому, что к концу 1621 года в экспедиционной армии практически без воздействия противника оказалось всего 60% годных к службе от первоначального состава (а это были 24 тысячи человек!).

Финский полк Самуэля Коброна только с 5 ноября по 8 декабря 1621 года потерял более 200 человек больными и умершими. В Смоландском полку Патрика Рутвена к концу года было до половины больных, в Енчепингском полку Арвида Ханда - треть. Мор перекинулся на офицеров и даже на военачальников. Скончался в Вольмаре Коброн, умер в Пернове командир Финляндского полка генерал Розенкранц, после чего в гарнизоне воцарилась анархия, которую прибыл устранять Делагарди. Офицеров выморочных частей вынуждены были отправлять в Швецию для формирования новых. В начале марта в рижском гарнизоне из

2 500 человек было всего 1 870 здоровых, причем здоровыми считались те, кто как-то мог стоять на распухших ногах. Вся эта мрачная картина продолжалась и в апреле.

Шведскому командованию стало ясно - если не принять экстренных мер, то к новой кампании армия погибнет, не вступая в бой. В течение зимы -весны фельдмаршалы Якоб Делагарди, Герман Врангель и полковник Эрнст Кройц по приказу короля объезжали гарнизоны, предпринимая решительные меры по спасению тех, кого еще можно было спасти, оборудованию зимних квартир, сбору оружия и амуниции больных и умерших, переводу частей из Риги и Митавы в малые города и сельскую местность, в Ревель и Эстляндию, а также на родину. Больных солдат размещали по крестьянам из расчета один солдат на два хозяйства с определенной нормой продовольственного содержания, под угрозой наказания.

Стойкие финны болели и умирали реже, нежели шведы, немцы и шотландцы, однако финские части, кроме двух рейтарских рот, были отправлены на родину через Ингерманландию и по льду Финского залива. Причем вслед за здоровыми шли пешком и ехали на санях и больные, решив, что если умирать, то лучше на родине или на пути к ней. Для многих это действительно стало спасением. Отправлены были по морю в Швецию и многие шведские части, в том числе и лейб-хоругвь Густава Адольфа, для которой это путешествие стало роковым - все уцелевшие при Кроппенхофе солдаты и офицеры погибли в шторм при кораблекрушении.

Очень тяжелым стало положение кавалерии - в пяти финских рейтарских ротах, прибывших под Вольмар, к январю вымерло 40% личного состава и много лошадей. Голодных и больных солдат охватывала апатия, они прекращали заботу о своих конях, считая, что если те падут, то это освободит их от королевской службы. Не помогали ни уговоры, ни розги.

Взамен выведенных из Лифляндии рот прибыли из Финляндии набранные там по рейтарской повинности две роты Герда Скютте и Якоба Бенгтссона в очень плохом состоянии. Разоренные налогами крестьяне не смогли должным образом снарядить своих рейтар - почти ни у кого не было кирас, мало у кого были пистолеты или хорошие мечи, иные даже не умели ездить верхом. Рейтарам не заплатили положенного жалованья за месяц вперед и 4 талера на лошадь.

Ослабленным из-за падежа лошадей конным гарнизонам стало очень трудно не только ловить вездесущих лисовчиков, но и высылать дозоры и боевое охранение в условиях, когда Ливония оказалась покрыта глубоким снежным покровом. Тогда Делагарди предложил Густаву Адольфу сформировать тысячный лыжный отряд по опыту войны в Московии, где лыжники шведского наемного корпуса успешно

действовали против литовской конницы Сапеги. Король дал одобрение. Однако так как основная часть финнов, у которых лыжи - это продолжение ног, была выведена на родину, формирование частей затянулось. Что-то, видимо, было образовано из оставшихся финских рейтар и солдат Норрландского полка в Пернове, но о конкретном боевом применении первых в европейских армиях лыжных частей автору ничего неизвестно. Существует, правда, перехваченное казаками послание Делагарди к Оксиеншерне о том, что он собрал несколько сот лыжников и намерен покончить с набегами врага.?

Держался Дерпт, где сидел воеводой Денхоф. Губернатор Флеминг из Нарвы предлагал ему перемирие, но тот на него не пошел, гордо потребовав возвращения захваченного шведами, и временами даже предпринимал экспедиции своими двумя ротами, к которым в декабре прибыли посланные гетманом лидская и волковысская хоругви посполитого рушения. У Вольмара рыскали, как зимние волки, лисовчики Якушевского, базировавшиеся на занятые литовскими гарнизонами Смилтен и Трикатен, умножая бедствия жителей этого многострадального края и тревожа коммуникации оккупационных войск. Приказ гетмана о возвращении в лагерь Якушевский не выполнил и был за это жестоко наказан. Сначала - командующим в центральной Лифляндии фельдмаршалом Врангелем, который сумел собрать по городкам 400 боеспособных рейтар и 22 января настиг лисовчиков в Смилтене и из-за беспечности прихватил их врасплох. Сам полковник со своей хоругвью сумел уйти, но хоругвь ротмистра Кшиштофа Дружбича была почти полностью перебита, а хоругвь Якуба Рожича сильно потрепана. Лисовчики с трудом сумели собраться вместе, впрочем, сохранив знамена и командиров.

7 января в рейд вышел из Митава отряд Корффа из 200 рейтар и гусар. Конечно, помешать операциям многотысячного вражеского войска он не мог, но подкрепил лифляндские гарнизоны людьми и порохом. В конце января Корфф напал на марше на упландскую рейтарскую роту с обозом и разбил ее, взяв 20 пленных.

С Корффом, однако, Якушевский также соединиться не захотел. Нагулявшись по Инфлянтам, где его хлопцев запомнили надолго, атаман лисовчиков в феврале вернулся в литовский лагерь с остатками своего полка и добычей. Он сразу же был отдан гетманом под суд за грабежи, насилия и убийства, прямое неподчинение приказам и за то, что "взяв жалованье на вторую четверть (квартал) на 500 казаков, роты свои обманул, частично через занижение платы, частично через неполные выдачи, что повлекло за собой бунт и возмущение." 7 марта полковник Петр Якушевский был казнен через отсечение головы. Ротмистр Дружбич за разбои был также осужден к смерти, но приговор не был приведен в исполнение (видимо, гетман пожелал, чтобы храброго воина расстреляли шведы.) Дружбич поступил товарищем в гетманскую гусарскую роту, снова отличился и после окончания Инфлянтской экспедиции даже был представлен к награждению. Большинство лисовчиков полка Якушевского после казни своего вождя разошлось по Литве, занявшись грабежами.

Зимой в литовском лагере сильно расшаталась дисциплина, участились самовольные уходы, и гетману пришлось прибегать к репрессивным мерам. Был казнен за злоупотребления и нарушения дисциплины пехотный ротмистр Флориан Стоцкий, лишился головы рейтарский товарищ Шкатуба, призывавший к бунту. К смерти приговорили несколько жолнежей, дезертировавших из лагеря.

В феврале гетман Радзивилл провел переговоры с прибывшими к нему представителями [Войска Запорожского, (полковники Осип Путивлец и Адам Подгорский), которые предложили ему 20 тысяч казаков для войны в Инфлянтах, причем они согласны были пока служить, как и остальное рыцарство, без жолда. Послы пригрозили, что в противном случае запорожцы пойдут в морские походы на турок, что было очень опасно для Речи Посполитой, недавно заключившей мир с Портой. Гетман, судя по его письмам], был бы не против найма казаков, но соглашения достигнуто не было, видимо, из-за позиции короля Сигизмунда. Конечно, 15-20 тысяч запорожских конников могли бы переломить ход войны, но правящие круги Речи Посполитой понимали и опасность нахождения в регулярном войске, да еще без жалованья, такого количества воинственных смутьянов, добывающих себе хлеб саблей. Если они на Руси

оставили после себя только огонь и воду, что оставят в и без того разоренной Лифляндии? И как с ними справится в случае бунта регулярная армия, уступающая им в пять — шесть раз?

23-27 февраля 3-тысячная литовская армия Радзивилла подошла под Ригу и имела несколько стычек с шведами, несколько сот которых вышли из укреплений Коброн-шанца. Дело ограничилось демонстрацией, дальнейшим операциям помешали наступившие метели.

Далее сколь-нибудь значительных военных действий с марта по май 1622 года не происходило. Наступило что-то вроде вынужденного перемирия, так как распутица сделала дороги непроезжими, тающий лед на реках сделал их непроходимыми. Река Аа Курляндская, приток Дюны-Двины-Даугавы (свой собственный путь в море она пробила только в 1697 году), в половодье так широко разлилась со своими 250 притоками, что практически отрезала Митаву от Риги. В начале мая отряд казаков в 200 коней перешел Двину и разорил местность, что боевыми действиями назвать трудно.

Сдача Митавы

В июне 1622 года положение окруженного в митавском замке шведского гарнизона стало катастрофически тяжелым. Голод и болезни сократили его численность в семь раз и угрожали уничтожить его полностью. Моральное состояние оставшихся в строю солдат упало до критической точки, их уже не хватало, чтобы держать периметр обороны и стрелять из пушек и бойниц. В мае гарнизон предпринял вылазку, которая была успешно отбита замещавшим гетмана Абрахамовичем, шведы понесли большие потери.

По дипломатическим каналам через датского посланника в Стокгольме Сигизмунду и Радзивиллу стало известно, что гарнизон готов к сдаче. Это подтвердили гетману и двое шведов-перебежчиков. Предъявляя коменданту Эрикссону категорический ультиматум, гетман был уверен в том, что отказа не будет. Условиями сдачи были свободный выход гарнизона, оставление знамен, пушек и припасов, выдача перебежчиков и предателей, и наконец, обещание под присягой не воевать против польского короля один год, один месяц и один день. Шведские офицеры пытались было просить гетмана о сохранении знамен, говоря, что от них большой корысти ему не будет, а им будет большой урон воинской чести, однако тот однозначно заявил о намерении преподнести их штандарты своему королю.

25 июня из ворот замка вышли комендант (штатгальтер) Митавы Эрикссон Хастхувуд, 5 капитанов, 76 здоровых солдат, 60 ходячих больных и раненых, еще способных носить оружие, вынесли на руках и на носилках 35 тяжелобольных и раненых, вышли около 100 некомбатантов - митавских бюргеров, торговцев, жен офицеров и солдат и, как их называли поляки, "белых голов" - обозных женщин. Возможно, комендант продержался бы еще неделю, зная, что шведский король Густав Адольф уже идет ему на выручку. Но он этого не знал...

Сражение при Митаве

13 июня король прибыл с флотом и полками в Дюнамюнде и проследовал на галерах в Ригу. Однако торжественное вступление омрачилось настоящим скандалом. Впрочем, скандал - это еще мягко сказано, конфузия вышла - не пожелать никому.

Входящего в город на судах короля со свитой приветствовали салютацией батареи по обеим берегам, а также вышедшие на встречу ему рижские галеры. По официальной версии, на одной из этих галер какой-то пушкарь, не видя ничего впереди от порохового дыма, поднес фитиль к пушке, которая почему-то оказалась заряжена ядром. То ли это было проявление "эффекта присутствия высокого начальства", то ли заговор антишведски настроенных рижан, то ли частная инициатива отдельного канонира, но ядро с

удивительной точностью на предельном расстоянии угодило прямо в галеру Его Величества, вызвав восгорание пороховых картузов и сильный пожар. Подошедшее судно своевременно взяло Густава Адольфа на борт, он практически не пострадал. Но итоги этого "морского боя" оказались плачевны - при пожаре погибло 10 человек, несколько десятков получили ожоги, при этом среди пострадавших оказались и рижские ратманы из встречающей делегации. Корабль выгорел настолько, что его пришлось списать, а Густав после этого приключения впал в меланхолию, которая весьма не способствует целенаправленному руководству масштабными боевыми действиями. Первой жертвой его плохого настроения стал рижский губернатор - за неоказание помощи осажденной Митаве фельдмаршал Яспер Маттсон Крууз после унижительного разноса был снят с должности и отослан в Швецию.

Что было целью короля - перелом в войне, деблокада Митавы (с чем он опоздал), ее возвращение, окончательное завоевание Курляндии и Литвы, или всего лишь понуждение противника к заключению перемирия, речь о котором шла еще до падения Митавы (что скорее всего), - у историков здесь мнения расходятся. Наверное, случилось все прямо по Шекспиру: "Так обрываются замыслы с размахом, в начале обещавшие успех..."

Радзивилл в письме королю от 29 июня тревожно доносил: по показаниям пленных из лейб-роты Делагарди, десятки кораблей высадили десанты в устье Двины и в порту Виндава. Густав собирается идти в Курляндию с 20 тысячами войска ("языки" преувеличили его численность, однако в лагере Радзивилла не было и трех тысяч.) 27 июня армия короля вышла из Риги на Митавеу.

Однако князь Кшиштоф не собирался пассивно ожидать врага на заранее подготовленных позициях, а выслал навстречу ему отряд Розена в составе трех рейтарских, гусарской и казацкой хоругвей. Гетман доносил Сигизмунду 29 июня:

"Вернулся пан полковник Розен из похода, который имел такие следствия. Вперед он выслал ротмистра пана Копачевского с 20 казаками, сам (с рейтарами) за ними шел, хоругвь гусарскую пана старосты усвятского (Паца) за собой пустил. За две мили от Риги, за Шкаденом, напал пан Копачевский на шведских дозорных и схватил одного, который рассказал, что неприятель изготовил 3 конных и 2 пеших хоругви, чтобы в ночь с субботы на воскресенье (с 27-го на 28-е) ударить на стан пана Розена, а если на них наши ударят, то отступить, ибо сам Густав с 4 000 войска за ними идет. Наши, взяв такого языка от неприятеля, сразу же пошли ему пред очи. Первую стычку учинили казаки и выдержали стрельбу рейтарскую, но потом, когда их стали теснить, уступили. Шведы погнались за ними и и напали на пана Розена. Тогда роту фельдмаршала Врангеля разбили, и взяли (его) знамя, и хорунжего убили, и еще 40 человек. Но окончательной виктории наши одержать не могли, так как нарвались на шведскую пехоту, что засела за валами у леса и болот, и должны были отступить. Гусарам из-за теснин сражаться не пришлось. Хоругвь, у шведов взятая, черная, адамасковая, на ней белое пальмовое древо намалевано с надписью "Sub pondere cresko" ("Под ветром стойкий")..."

Разъяренный этой потерей Врангель направил Розену письмо с предложением выйти на бой за свой лейб-штандарт в равных силах: "пятьдесят на пятьдесят" и выслал свою команду с лейтенантом. Розен согласился, но с одним условием - шведы в качестве ставки прихватят еще один штандарт. Однако гетман Радзивилл не дал согласия на этот турнир, и к большому сожалению участников, а также современных историков, спорящих о том, "кто был круче", дуэль не состоялась.

Частный успех не отменял того факта, что над маленькой армией Радзивилла, над Курляндией, Жмудью и Литвой нависла смертельная угроза. Но гетман не отступил, не свернул и преградил путь врагу, решившись сражаться. |Лагерь его на реке Муйже был труднодоступен для противника, - в добавок к валам с двух сторон его окружала вода, с других двух сторон - леса и болота. Подходы к Митаве преграждали реки Аа Курляндская (Лиелупе) и Экау (Иецава), мелкие речки и озера, по берегам которых литвины оборудовали шанцы. Впервые они уделили должное внимание фортификации. Гетман заставил копать землю не только пехоту, но и кавалеристов. Сам Митавский замок на речном острове (смотри выше) был

весьма крепким орешком. В октябре город сдался Густаву без боя, теперь шведам предстояло к нему прорываться.

Казалось бы, сил у него для этого было более чем достаточно. К 6 июля в шведском лагере на речке Свете, притоке Аа, собрались следующие части.

Шведская армия, главнокомандующий король Швеции Густав Адольф, фельдмаршалы граф Якоб Делагарди. и барон Герман Врангель.

Пехота и драгуны:

-гвардейский немецко-шотландский "хофрежимент" Джеймса Сетона (1072 человека), Уппландский полк Оке Оксиеншерна (836 человек), Смоландский полк Патрика Рутвена (1203 человека), Остготский полк Юхана Банера (1 203 человек), Норрландский полк Густава Горна (1 203 человека).

Вербованный драгунский полк Вильгельма (Гийома) де ла Барра (397 драгун), французские драгунские роты Жана де Бомона и Маргалиса, шведская драгунская рота из рекрутов.

Кавалерия:

-шведские рейтарские роты: барона Конрада фон Иксюля (63), Исаака Аксельссона (59), Йорана Якобссона (80), Нильса Ассарссона (110), Бернхарда Ребиндера (49), Ларса Ларссона (65), Пера Монссона (95);

-вербованные немецкие кирасирские роты: королевская лейб-хоругвь Юргена Адеркаса (73 кирасира и 82 рейтара); кирасирская рота фельдмаршала Якоба Делагарди под командой Клааса Вахтмайстера (143 кирасира, в том числе 84 боеспособных), барона Магнуса фон дер Палена (82 кирасира, в том числе 64 боеспособных), барона Берндта фон Таубе (88 кирасир, в том числе 57 боеспособных).

Эстляндский аделъсфан барона Берндта фон Таубе (204 кирасир и рейтар, в том числе 158 боеспособных.)

13-18 июля в шведский лагерь прибыли из Финляндии семь финских рейтарских рот:

-Клааса Бертильсона (133), Хенрика Кристерссона (128), Йенса Курка (119), Нильса Монссона (132), Андерса Паули (121), Оке Свантессона (120), Райнхольда Вюнша (124) и шведская рейтарская рота из Вестерготланда лейтенанта Ларса Хаканссона Дуфва (194).

Артиллерия:

20 тяжелых орудий, в том числе 7 осадных 48-фунтовых, 4 24-фунтовых, 4 12-фунтовых, 4 6-фунтовых, и большое количество малокалиберных.

Всего более 6 тысяч пехоты и от 2 до 3 тысяч конницы, а также 2 тысячи рабочих.

В боевых действиях приняла участие вспомогательная речная галерная флотилия в 10-12 малых судов.

Литовская армия, командующий польный гетман литовский князь Кшиштоф Радзивилл.

Конница

Гусария:

-роты (хоругви): гетмана Радзивилла, поручик Адам Стецкевич (300 гусар), референдаря и великого писаря литовского Александра Корвина Гонсевского, поручик Мельхиор Будзиевский (200), воеводы полоцкого Януша Кишки (200), воеводича смоленского Миколая Абрахамовича (150), старосты усвятского Самуэля Паца (150), Анджея Станислава Сапеги (150), Иоганна Ульриха фон Шверина (200), Адама Полнарского (100).

Рейтария:

-полк Николауса фон Корффа, рейтарские роты - "старая" Вильгельма фон Тизенгаузена (158), "белая" Иоганна фон Гроттхузена (105) и "синяя" Кристофа Шлиппенбаха (106), гусарская рота Богдана Голынского (98);

- полк Георга фон Розена: рейтарские роты Георга фон Розена, Кристофа Филинга, Суходольского (300);
- рейтарские роты Габриэля Сердана, Эвальда фон Сакена, Генриха Шмеллинга (100).

Казацкая конница:

- роты Иоганна Вехмана, Петра Копачевского, Кшиштофа Клечковского, Станислава Смирского, Строчковского, Стражиньского, вилкомирская повятовая казацкая хоругвь Войцеха Кулеши (50-100)

Немногочисленные частные гусарские и казацкие почты литовских магнатов, вельмож и панов неизвестного состава..

Польско-литовская пехота:

- рота гетмана Радзивилла поручика Яна Дзевчепольского (300), роты Самуэля Корсака (200), Миколая Отвиновского, Давида Стецкевича, Даниэля Стрижки, Анджея Скробовича, Мариана Ольшевского, Моленды, Яроцкого (по 100).

Иноземная пехота и драгуны:

- драгунские роты Джона Донована (Доновея), с конца июля - Гийома Барбару (Вильгельма Барбериуса) и Самсона (400), пехотные роты Эндрю Кейта (Анджея Кета) (100), ирландсея рота Джека Батлера и англо-шотландская Артура Астона (по 300.)

Всего - от 2 до 4,5 тысяч человек конницы и пехоты при 10-12 орудиях (численность рот дана согласно вербовочным патентам, а не по гораздо меньшему фактическому состоянию.)

Мирные переговоры

Как такового общего большого сражения при Митаве не было, произошло несколько частных боев. 6 июля войска Густава вышли к речке Свете, притоку Экау, и с боем переправились через нее с помощью галерного флота с пушками, овладев литовским шанцем. 7 июля фельдмаршал Делагарди выслал парламентаря и от имени короля (который в это время заболел) предложил гетману вступить в переговоры о перемирии. Боевые действия были временно прекращены, фельдмаршал со свитой и конным эскортом выехал к литовскому лагерю и разбил неподалеку шатер, в котором проходили встречи вождей, общавшихся на классической латыни - этот язык в те времена был средством международного общения и дипломатии. Стороны разменяли пленных.

Делагарди с Радзивиллом были давними знакомцами - Якоб Понтус в своей богатой боевой биографии побывал в литовском плену в 1609 году и даже получил в подарок от гетмана Ходкевича шубу. Два старых вояки (старых не по возрасту, им было по 37 лет), не то чтобы испытывали друг к другу симпатию, но уважение испытывали точно. Судя по взаимным посланиям, они понимали, что изнурительную для их стран, армий и народов войну пора прекращать.

Гетман был давно готов к заключению перемирия, но поначалу шведы выставили неприемлемые условия. Делагарди предложил заключить перемирие только от имени Великого Княжества Литовского сроком хотя бы на один год, что предполагало бы то, что в случае войны Швеции с Короной Польской Литва не должна была вмешиваться. Если же перемирие заключалось от имени польского короля Сигизмунда, то он должен был пообещать не предпринимать попыток высадки в Швеции с целью захвата трона и прекратить агитацию в свою пользу через послания и эмиссаров. Шведы оставались в Риге и занятых ими пунктах Ливонии, при этом численность солдат гарнизонов шведской армии все так же в разы превышала численность литовских жолнежей, основная часть которых неизбежно распускалась на период перемирия. Ну и само собой, в тексте договора Густав Адольф должен был именоваться полным титулом короля Шведского. что означало признание его таковым "де-юре".

По этому пункту стороны обломали немало копий (или перьев, если угодно) В самом деле - гетман и фельдмаршал были в трудном положении - ведь титулование неприятельского монарха королем Шведским означало непризнание таковым короля своего! Радзивилл совершенно резонно заявил Делагарди: "Раз вы

нашего не признаете, чего ради мы вашего признавать должны?"

У гетмана не было соответствующих полномочий, и пока он отправил послания королю и старосте жмудскому Воловичу. Переговоры зашли в тупик, прекращение огня неоднократно прерывалось военными действиями со стороны шведов, пытавшихся силой склонить литвинов к миру. Но однажды оно было нарушено помимо полководцев.

Случилось форменное безобразие (а вернее, безобразие, совершенное в форме.) Ротмистр казацкой хоругви Кшиштоф Ключковский, находясь по приказу гетмана со своими людьми в сторожевом охранении, занялся в боевой обстановке употреблением спиртных напитков. Гетман, проезжая мимо, увидел, что ротмистр неадекватен, и распорядился заменить его гусарской ротой Самуэля Паца. Тот прибыл на место и пытался убедить сослуживца не усугублять, а возвращаться в стан, но безуспешно. Ключковский, придя в состояние пьяной агрессии, приказал своим казакам атаковать супостата и ворвался в шведский лагерь, рубя направо-налево, поднял изрядный взаимный переполох со стрельбой и ускакал «с победой» обратно.

Возмущенный Делагарди заявил Радзивиллу решительный протест и потребовал примерного наказания виновного: «Да если бы из наших кто таковое учинил, перевешали бы всю роту!...» Гетман через Абрахамовича принес извинения за инцидент и отдал Ключковского под суд, который приговорил его к смертной казни через отсечение головы. Однако безбашенный ротмистр сумел-таки сохранить на плечах свою «башню». Боевые действия возобновились, он вновь отличился, война все списала, в общем, дело пьяного героя спустили на тормозах в лучших армейских традициях. К тому же, как известно, полководцы часто имеют слабость к лихим забубенным командирам, и когда остывает первый гнев, многое им прощают, видимо, вспоминая себя молодыми.

Интересно, что Кшиштоф Ключковский был родным братом Яроша Ключковского, знаменитого атамана лисовчиков в Чехии в 1620 году, который после битвы у Белой Горы на удивленный вопрос австрийского императора, как это они так доблестно сражаются без доспехов, отвечал метко и в рифму: "Железа не мамы, тылко у коня под ногами, еще у себе пши боку, але ж жонсчей в ронку!" ("Железа не имеем, кроме конских подков, да сабли на боку, зато крепко держим ее в руке!")

15 июля шведы форсировали реку Свете при поддержке галер и превосходящими силами атаковали позиции пехотной роты Сосновского на редуте. После жаркого боя и перестрелки они сбили гайдуков с валов, - соседи слева, две роты из чужеземцев Батлера и Астона, оборонявшиеся у озера, их не поддержали. На следующий день огнем из другого литовского шанца на реке была потоплена шведская галера,

17 июля по инициативе шведов стороны снова сошлись на переговоры, при этом Радзивилла сопровождало тысяча, а Делагарди полторы тысячи всадников. Был произведен обмен пленными. И вновь переговоры зашли в тупик.

20 июля местные партизаны-латыши отряда Отто Друка сходили в поиск и взяли языка, немецкого солдата шведской службы, который показал, что на воскресенье 21-го по армии объявлена боевая готовность. Получив это известие, гетман приказал спустить воду с плотин на реке Муйже и на озере, чтобы не дать возможности действовать на образовавшемся в пойме мелководье неприятельским галерам. Кроме того, были заранее подготовлены оригинальные инженерные сооружения, срубные падающие мосты-башни для быстрого наведения переправ.

21-го утром вновь прошли переговоры Делагарди с Радзивиллом и Денхофом, и снова стороны не пришли к консенсусу. Король Густав решил прибегнуть к "последнему доводу королей", лично приняв участие в сражении. Вот как излагает "Диариуш войны 1621-22 годов" его ход.

"Через полтора часа (после отъезда парламентаря) выступило девять рот пеших и три корнета рейтарских, чтобы занять высоты перед лесом, с которых все поле открывается..." (Радзивилл отмечал: все шведские мушкетеры были в шлемах, а пикинеры также и в кирасах. Видимо, это был элитный хофрегимент. Авт.) "...Тогда гетман на неприятеля выступил впереди хоругви Ключковского, за ним Барбериус с тремя сотнями пехоты шел, и напали они на шведов, и погнали их далеко, и немало посекали и

постреляли. Густав сам на тот бой выехал, и коня под ним убили, как один шляхтич ковенский сообщал, и то же самое показал (пленный) рейтар шведский. У пана Барбериуса двоих убило, да четырех подстрелили.

(В том бою) гетман приказал хоругви Шверина в атаку идти, но тот приказа выполнять не захотел, хотя гетман его живым истинным Богом просил, и тем виктория вырвана была из рук его. Тогда пан Шмеллинг со своей рейтарской хоругвью хорошо атаковал, первый в огонь поскакал и порубил немало шведов. А хоругвь пана воеводы полоцкого и сто коней гетманской хоругви могли бы с другой стороны заскочить, да не заскочили, и за это их гетман долго потом грыз. Подошел француз Самсон и привел с собой 50 рейтар. Наши, пан Барбериус с паном Сосновским, стали перестреливаться со шведами на опушке в кустах, не давая им работу начать, у озера шанец копать, не без урона с нашей стороны, но куда больше у неприятеля урон был. Однако помешать ему не смогли..."

(Интересно, что командиры литовской пехоты, решив помешать шведам окапываться, приказали своим гайдукам атаковать их, причем в традиционной польско-литовской манере - бегом с саблями в руках, положив рушницы на плечо. Противник, видимо, зная о преимуществе литвинов в рукопашной схватке, отступил без боя. Потери пеших рот в этом бою составили более 30 убитыми и четверых пленными, по литовским данным, потери противника были гораздо больше. Авт.)

"...Велел гетман две больших пушки, с биржанского цейхгауза привезенные, поставить на холме и бить по большому шведскому шанцу, а сам холм укрепить, для чего прибыли из лагеря сразу несколько сот пахоликов с лопатами. До полудня они работали спокойно, но пополудни передался (врагу) Ольшевский, поручик роты пана Стецкевича, и дал сведения неприятелю о пушках и позиции. Три или четыре корнета вышли из леса, там, где первый раз Понтус (Делагарди) на переговоры выезжал. Гетман приказал хоругвям (гусарским и рейтарским) в поле выйти, а некоторым у высот в охранении стать. Вся пехота на высотах залегла, а пахолики работали, другие хоругви в разных местах стали.

За корнетами шведскими появились две пушки, которые стали бить по хоругвям нашим, но милостью Божьей без урона. У одного орудия колесо повредило, да нескольких рабочих ранено. Наши в новом шведском шанце (выстрелами) порох подожгли, и несколько (пленных) хлопов выручили.

Где наши рейтары (полк Розена) у высот стояли, против рейтар неприятельских, что стояли под лесом, полковник пан Розен выслал к ним с позволения Его Княжеской Милости трубача, вызывая их в поле, если они не сукины сыны...

...Несколько пеших хоругвей из леса вышли, и взаимная стрельба мушкетная целый час продолжалась, чего раньше никогда не бывало. Там пана Сосновского ранило, и пехоту постреляли, и работники бежали.

Приказал тогда гетман пану Розену с рейтарами атаковать, и сам с ними поскакал, но коня под гетманом убило, а товарищество его одного бросило. Тогда приказал он (гусарской) хоругви Шверина в атаку скакать, чего они не пожелали, хотя гетман речь перед ними держал, живым Богом просил, чтобы благородство и долг свой вспомнили. Велел он тогда пану Шмеллингу атаковать, но и тот приказ не исполнил, отговариваясь, мол, пусть вперед гусары идут. Хоругви же пана воеводы полоцкого и пана референдаря, что честь имели, в атаку пошли..." (По свидетельству Радзивилла канцлеру Сапеге, гусары "в самый огонь поскакали, и много шведов посекали, но без поддержки оставшись, отступили." Авт.) "...А будь послушание другое, то была бы в руках гетмана виктория, и он на такую неохоту на неприятеля идти сердце имел.

Гетман свои хоругви теснее сомкнул, так как три тысячи (шведской) пехоты из леса вышли. Тогда наши отступили, с высот бежали (первыми бежали землекопы-пахолики, что придало бодрости шведам, принявших их за солдат. Авт.), и два орудия, из которых одно для стрельбы годное, неприятелю отдали, и четырех коней старых гетманских, что под орудиями ходили..." (Радзивилл писал, что одно орудие разорвало при стрельбе. Авт.)

"...Пехота наша оплошала, и перед таким большим отрядом бегство учинила. А сидели бы в окопах, никогда бы неприятель места того отобрать не смог. После потери высот гетман так был огорчен неохотой

(жолнежей) воевать, что, поведья отпустив, сам хотел в бой скакать, и приказал своей хоругви, что стояла сомкнутой, атаковать. Но пан Денхоф с паном воеводичем смоленским живым Богом его упросили, чтобы того отчаянного безумства не учинил. А пан Розен от великой печали, что в такой позор пришел, падал оземь, три раза его припадком било. Гетман (после битвы) начал суд и расправу над теми, кто в бой идти не хотел. Одни просили, чтобы он их по закону наказал, другие оправдывались, что наступать было не велено, что под гетманом коня убило, что неприятель в поле выйти смелости не имел, что в горячке приказа не слышали, и что поле было сырое..."

(Радзивиллу сильно повезло, что шведы были очень осторожны, если не сказать пассивны, и страшились литовской конницы больше, чем она их. В чем дело? Почему старые испытанные вояки отказались скакать под огонь? Они убоялись шведских мушкетов? Или у них настолько упал боевой дух? Боевой дух войска за время 8-месячного стояния в курляндском лагере действительно сильно упал. Но дело здесь, возможно, и в том, что как литовские жолнежи, так и иноземные наемники, не страдающие болью за чужое отечество, длительное время служили без жалованья. Возможно, отказ идти в атаку на строй из трех тысяч шведских мушкетеров и пикинеров был своего рода протестом и даже мезтью с их стороны по отношению к всеильному польному гетману литовскому, вынужденному перед угрозой разгрома грозить жолнежам виселицей, обещать награды, взывать к патриотизму, присяге, рыцарской чести, молить и унижаться. К тому же кому была охота погибать буквально ни за грош в самом конце войны? Никто наказан не был, - слишком мало было у гетмана командиров и товарищей, чтобы рубить им головы, а массовость преступления сделала невозможным наказание. Авт.)

Итоги сражения

Таким образом, битва при Митаве закончилась практически вничью. Заняв пару шанцев, шведы не добились своего, понеся значительные потери, у литвинов они были минимальны. «Диариуш» свидетельствует: "...В той битве урон наш, включая умерших от ран и пленных, был до тридцати человек, а раненых пятьдесят. Два товарища хоругви пана воеводы полоцкого погибли - Нагурский и Орвид. Неприятельских трупов очень много лежало, включая убитых утром и в полдень. С наших орудий, из лагеря и шанцев густо стреляли, и за день несколько бочек пороха ушло, и настала пороха нехватка, и ядер не осталось. Истинно, что от наших пушек большая потеря неприятелю была..." В письме канцлеру Сапеге свои общие потери убитыми, ранеными и пленными Радзивилл определял за сто человек, а шведские - около 500 только убитыми. Данные эти неточны, так как шведы отказались выдать литвинам тела павших, как полагал гетман, ради того, чтобы те не знали своих истинных потерь.

Литвины отделались очень легко, нанеся врагу в то же время значительный урон. Свои позиции на переговорах они укрепили. Быть может, зная истинное положение дел у противника, Густав навалился бы и взял Митаву, но похоже, он его не знал. У Радзивилла в лагере не оставалось пороха и пушек. Моральный дух войска, долго не получавшего денег, сильно упал. Кавалерия отказывалась идти в атаку, а пехота начала бежать не только в тыл, но уже и к неприятелю. Гетман писал Воловичу: "И тысячи пехоты не имею! С чем в поле выйти, с кем обороняться? Разве у прежних гетманов такое было видано? Не только чужеземцы, но и свои гайдуки предавать начинают, ибо на них лежит труд великий, караулы и всякие войсковые повинности без смены, днем и ночью исправлять нужно..."

Король Густав по-прежнему опасался выходить против литовской конницы на решительный бой в чистое поле, окапываясь шанцами и последовательно занимая неприятельские укрепления силами пехоты при поддержке артиллерии. Гетман Радзивилл, брошенный королем на копья, сумел чудесным образом пролететь мимо них и даже относительно благополучно приземлиться.

Прекращение огня

23 июля произошло новое столкновение сторон, не давшее никому решающего преимущества. Шведы опять предложили переговоры и 31 июля Радзивилл своей властью заключил с Делагарди временное перемирие, а вернее, соглашение о прекращении огня в Инфлянтах сроком с 1 августа 1622 до 1 мая 1623 года, дабы начать мирные переговоры.

Гетман хорошо осознавал, что с горстью жолнежей ему не удастся отстоять Митаву, а подкреплений и денег Сигизмунд не даст. В то же время и король Густав, и фельдмаршал Делагарди понимали, что Швеция далее продолжать кампанию не может - за год ее военные расходы составили более 1,5 миллиона риксдалеров, в то время как доходы казны - всего лишь 433 тысячи. Командующие понимали также, что как ни войой, и как ни переговаривайся, Рига все равно останется за шведами, Митава, сколько за нее ни положи людей, останется за герцогом Курляндским, а упрямый король Сигизмунд не откажется от права на шведский трон (хотя за это Густав готов был даже вернуть ему Ригу!)

Радзивилл своим решением сильно рисковал, но, имея хорошие связи при варшавском дворе, был прекрасно осведомлен, как мало поддерживалась в верхах и обществе эта война. Польской и украинской шляхте никакого дела не было до Инфлянт, - магнаты и паны меж собой толковали, что шведы воюют не с Речью Посполитой, то есть шляхетской республикой, а с "крулем Зыгмунтом".

Перемирие вызвало гнев короля Сигизмунда и еще большую его нелюбовь к князю Радзивиллу (видимо, Его Королевская Милость желал бы, "чтобы эта песня не кончалась» до возвращения ему трона в Стокгольме.) Он посчитал, что перемирие выгодно только его злейшему врагу: "В Швеции не все за Густава склоняются, а сейчас он этим миром и кредит себе приобрел, и домашние трудности прекратил, а на военную добычу к новой войне приступить может..."

Сигизмунд не понимал, что другого такого шанса может не быть. В письме королю от 1 августа Радзивилл доносил: шведское войско, отводимое в Ригу, просто огромно и внушает страх. Кроме того, в город подошли полки Мансфельда и Флеминга. В послании, где сквозит мотив чудесного спасения волей Божьей, гетман призывает короля скорейшим образом высылать комиссаров в Ригу на переговоры и "ковать железо", пока шведы не передумали. Ведь в литовском лагере закончился порох, а вскоре придется распускать выслужившие срок войска (в конце августа были распущены рейтарские роты Суходольского Филинга, Сердана, Сакена, казаки Бонецкого, Клечковского, Кулеши, Строчковского, иноземные пешие роты Донована, Кейта, гайдуки Ольшевского, а также все выбранцы, что еще не разбежались.)

По соглашению шведы сначала отходили за полмили, на реку Муйжу, а потом на Двину. В ожидании отвода рыцарство обеих сторон с большим интересом визитировало вражеские лагеря. Вчерашние противники мирно общались, вспоминая минувшие дни, где вместе рубились они, поднимая чары с пивом, вином и гданьской водкой за долгожданное окончание надоевшей всем войны. Шведские офицеры покупали у литвинов их отличных коней.

Встреча Густава с Радзивиллом

Когда король через старосту трейденского Валя и Делагарди передал гетману, что хотел бы с ним поговорить, князь обратил внимание фельдмаршала на одно щекотливое обстоятельство – ведь гетман польный литовский при встрече не может именовать "Густава Судерманского" королевским титулом! Однако "Понтус" заверил князя, - Густав все понимает и разрешает обращаться к нему так, как пожелает того литовский главнокомандующий. Видимо, желание его встретиться с Радзивиллом было выше желания соблюсти реноме. Да и сам гетман, несмотря на опасения Густава относительно его польского гонора,

очень хотел встретиться со своим знаменитым противником и заодно взглянуть на неприятельский лагерь. В письме королю Сигизмунду он оправдывал свой поступок тем, что если военачальники Речи Посполитой выезжают на переговоры с турецкими визирями и татарскими ханами, почему бы ему тогда не встретиться с “кнезом Судерманским”?

Взяв с собой ближайшего сподвижника и "швагера", брата жены, воеводу полоцкого Януша Кишку с эскортом отборных гусар, гетман подъехал к шведскому лагерю, где его ожидал Густав Адольф с ротой своих латников, надо сказать, внешне сильно проигрывавшим пышным гусарам с их орлиными крыльями за спиной, тигровыми и леопардовыми накидками, шлемами с форгами и плюмажами, блестящими доспехами, дорогим восточным оружием и кровными скакунами. Короля гости застали за проведением показательного учения, где его кавалеристы тоже не ударили в грязь лицом.

Переговоры начались с рукопожатий и проходили на языке Вергилия и Горация, которым собеседники владели в совершенстве. Впрочем, оба отлично знали также и немецкий, а король успешно учил польский. Густав величал Радзивилла "Иллюстрис принцепс" ("знатнейший принц"), а тот его - "Домине комес" ("господин герцог").

Война прекратилась за невозможностью ее дальнейшего ведения, в землю разоренного края легли тысячи убитых и умерших солдат, и теперь можно было помахать пальмовой ветвью и выпустить белых голубей. Надо сказать, король довольно умело стал подбивать клинья под гетмана, фактически склоняя его к сепаратному миру и вообще откровенно давая понять, что с ним Литве дружить выгоднее, чем с Польшей (кто мог знать тогда, что сын и наследник гетмана Януш Радзивилл в смутную годину "Потопа" расколел Речь Посполитую и заключит унию со Швецией?)

Густав заявил: "Я вижу свой долг в том, чтобы погасить, наконец, огонь этой войны. Клянусь Богом, что как государь, не имел желаний причинить зло вашему народу, как и помешать вашему походу против Турции. Да, я всегда презирал вашего короля, и желаю лишь спросить Вас, имею ли я честь представлять государство, в котором живу по милости Фортуны. Почему король Ваш уклонился от мира, приведя нас к этой катастрофе? Я владею собой, я не враг законов и не жажду крови. Но что мне оставалось делать? Ум этого человека был далек от рационального. По отношению к нему совет страны указал мне сделать то, что и должен был сделать король. Война началась против нарушения устоев. Я соперничаю с королем польским, но Ваше влияние может способствовать доказательству пред ним того, что война между нами может быть закончена таким миром, лучшего которого нельзя желать. Компромисс должен быть найден во что бы то ни стало. Ваша великая республика и наше королевство тесно связаны между собой, как члены одного тела, как руки и ноги. Имею честь предложить Вам и Вашему народу мир и буду всячески побуждать к нему. Ценой мира Вы можете заполучить друга и союзника, или же будете иметь бесплатного врага.... "

Искушенный Радзивилл в ответ исполнил свою дипломатическую арию: " Если в прошлом и были совершены ошибки, то я от них далек, но могу быть одним из советников моего короля, который огорчен затянувшимся нарушением мира. Я полагаю, что и он будет не за продолжение войны, а за восстановление покоя. Но все мы должны исполнять наш воинский долг, иначе не будем добрыми и верными патриотами..." (Как можно уяснить из этого текста, гетман мягко, но твердо уклонился от участия в критике своего короля и обсуждению его сомнительного статуса, как и от предложений к более тесному сближению. Впрочем, это официальный протокол, а о чем толковали "два вождя после дождя" без протокола, нам не ведомо.)

Гетман отъехал обратно, а король еще пообщался с гусарами его эскорта, беседа с ними о войне и службе, держась просто, не гнушаясь последним жолнежем, правда, сначала спрашивая, принадлежит ли к благородному сословию его собеседник. Густава Адольфа заинтересовало экзотическое для западноевропейцев оружие - турецкие дротики-джиды в колчанах, и шляхтич Путята, товарищ хоругви Самуэля Паца, преподнес королю свою джиду в подарок. Тот отдарился 30 дукатами - за такие деньги

гусары должны были служить полгода...

Мирные переговоры

В конце концов гетман, примас, вельможи и сенаторы, поддерживаемые общественным мнением не желавшей воевать шляхты сумели убедить упрямого короля в необходимости начала мирных переговоров с целью договориться о временном размежевании Ливонии согласно «статус кво?».

25 августа король Густав Адольф отбыл морем в Швецию. Всю осень шли встречи назначенных королями комиссаров у Митава, в Риге, у Ленневардена и на историческом поле Кирхгольма, всеми подробностями и перипетиями которых мы не будем утомлять читателя.

Шведскую делегацию возглавляли королевский канцлер Аксель Оксиеншерна и губернатор ливонский и рижский фельдмаршал граф Якоб Понтус Делагарди, в состав ее входили ревельский губернатор камер-советник Петер Банер, камер-секретарь Иоахим Берендс, губернатор ингерманландский Генрих Флеминг и эстляндский советник барон Людвиг Таубе. Польско-литовскую делегацию возглавляли староста жмудский Ярош Волович и гетман польный литовский Кшиштоф Радзивилл, комиссарами являлись референдарь и великий писарь литовский Александр Корвин Гонсевский, королевский секретарь стольник упитский Ян Марцинкевич, секретарь гетмана Петр Кошлевский, староста дерптский Эрнст Денхоф, староста рижский Ян Сапега, каштелян венденский Иоганн Готхард Тизенгаузен, староста румборкский Мацей Веселовский, подкоморий дерптский Бартоломей Важиньский.

В ходе изнурительных споров прошла совместная выработка крючкотворных статей перемирия. Главным препятствием для участников была невозможность обозначить в общих документах титулом короля Швеции и Густава Адольфа, и Сигизмунда, а также нежелание польского короля закрепить перемирие своим именем. Кроме того, Сигизмунд дал своим комиссарам инструкции, которые заводили переговоры в тупик. Длительный мир на 10-20 лет он разрешал заключить лишь на условии возвращения шведами всех завоеваний, при том, что польский король не давал обязательств отказаться от претензий на шведский трон (а за что тогда боролись?)

Шведские комиссары настаивали, чтобы их признали полномочными представителями короля Швеции, в то время как поляки не желали признавать титула Густава Адольфа. Шведы также желали, чтобы полномочия польским комиссарам дал сам король Сигизмунд, и он же ратифицировал перемирие своим именем. Стороны все-таки нашли выход. Густава как-то казуистически, в одностороннем порядке поименовали государем, а полномочия комиссарам вместо короля Сигизмунда подписали сенаторы империи-республики - архиепископы гнезненский Лаврин Дембицкий, луцкий Анджей Липский, виленский Евстафий Волович, жмудский Станислав Кишка, вице-канцлер коронный Вацлав Лещинский, маршалок коронный Лукаш Опалинский, вице-канцлер литовский Альберт Станислав Радзивилл, подскарбий литовский Кшиштоф Нарушевич, секретарь польного гетмана литовского Миколай Кницкий.

Еще одним противоречием был вопрос о войсках. Шведы, отправив домой часть полков и рот, главным образом кавалерию, оставили в Лифляндии большую и лучшую часть армии, требуя в то же время полного роспуска литовского войска. Польским комиссарам удалось скрыть от партнеров по переговорам, что большинство хоругвей уже распущено, стали тянуть время, а потом этот пункт вообще не включили в текст договора.

Обсуждался вопрос о возвращении пленных и перебежчиков. Литвины потребовали от шведов вернуть им предателя и расхитителя казенного содержания де ла Барра («Лабару»), который открыто ходил в это время мимо шатра переговорщиков. Делагарди ответил отказом, мол, он перешел к шведам не изменнически, а согласно принятым воинским обычаям, после капитуляции Риги и ее присяге королю Швеции. И в свою очередь поинтересовался, когда поляки отдадут ротмистра Абрахама Изакссона, захваченного в плен у Коброн-шанца в августе 1621 года? На это литовская сторона со злорадством

отвечала, что пан ротмистр в варшавском плену тоже перешел на службу Короне Польской...

Митавское перемирие

Оно было заключено 17 (27) ноября 1622 года в шатрах комиссаров близ лифляндского замка Ленневарден (Лиелварде) восточнее Риги, у впадения реки Огре в Двину, почему перемирие именовалось тогда также Ленневарденским. Заключили его до 1(11) июня 1624 года, с тем условием, что если до того срока оно не будет прервано ни одной из сторон, то будет продлено и на следующий год. Условия его были вкратце таковы.

Рига пока оставалась за Швецией, при заключении окончательного мира город имел право вернуться в состав Речи Посполитой. Шведские гарнизоны оставались в Лифляндии западнее реки Аа (Гауя), что обеспечивало сообщение с Перновом и Ревелем. При этом города Зегевольд (Сигулда) и Лембург (Малпилс), захваченные литвинами в период перемирия, они должны были освободить, а города Венден, Юргенсбург (Яунпилс), Трейден (Турайда) и Смилтен (Смилтене) оставались за Речью Посполитой. Литва окончательно снимала запрет на торговлю с Ригой.

Большая часть шведского войска отбыла на зимние квартиры в Швецию и Финляндию, или была распущена по домам, меньшая, в основном пехота, осталась в Риге и эстляндских и лифляндских гарнизонах. Волович и Радзивилл вынуждены были отдать приказ об оставлении на службе еще на месяц 400 гусар и 200 казаков с выплатой им тройного квартального жолда в 20-30 злотых. Диктовалась эта мера необходимостью борьбы с конфедерациями жолнежей и просто неуправляемыми бродячими отрядами демобилизованных вояк, грабивших население Литвы. Для этого ранее были посланы три рейтарские роты под командой поручика Андреаса Цеге (Анджея Сея).

При известии о заключении перемирия в литовском лагере не произошло радостного праздника, - там вспыхнул долго зревший бунт, в котором приняли участие гусарские роты Кишки, Сапеги, Абрахамовича и Полнарского. Бунтовщики, а вернее, незаконные конфедераты, потребовали от гетмана немедленной выплаты задолженностей, уравниения в оплате с иноземцами, а участники похода в Подолию - еще и возмещения старых долгов по жолду и амуниции за Хотинскую кампанию. Вернувшийся в лагерь Радзивилл, оградившись в шатре кольцом из оставшихся верными присяге гетманских гусар, иноземных рейтарских и пеших рот, выжидал вечер и ночь, пока гусары митинговали, дрались, пили, буянили и наконец уgomонились. Наутро жолнежи одумались и принесли повинные головы. Начались суды и расправы. Двое шляхтичей-зачинщиков были приговорены к смерти и "на гарdle караны" (в их числе сын войскового трокского), некоторые к другим видам наказания, в частности, к бесчестию и изгнанию из войска без жалования. По понятным причинам гетман не был излишне жесток. Долги жолнежам литовская казна сумела выплатить только к весне.

Триумф побежденных

Той же весной, в феврале-марте 1623 года, прошел вальный союзный сейм в Варшаве, на котором выступил с речью гетман польный литовский князь Кшиштоф Радзивилл. Поводом для его выступления было поднесение высшей власти Речи Посполитой взятых шведских знамен. Поражение в войне превратили в победный триумф. В зал заседания сейма внесли 13 трофейных ротных штандартов, которые бросили к подножию королевского трона избранные герои "экспедиции инфлянтской" - поручик гусарской хоругви Гонсевского Мельхиор Годзиевский, ротмистр казацкой хоругви Иоганн Вехман, капитаны Джек Батлер и Артур Астон, инженеры Витеус и Оливер, товарищи гетманской гусарской хоругви Станислав Довгирд, Войцех Умястовский, Ян Паплонский, Перхлинский и еще один из этой группы товарищей? - уже знакомый нам Кшиштоф Дружбич, разжалованный и осужденный на смерть

бывший ротмистр лисовчиков. Как и остальные двенадцать участников церемонии, он получил награду сейма и именование от гетмана.

Князь Радзивилл, один из лучших ораторов своего времени, с достоинством доложил королю, сенату и послам (депутатам) сейма, что он сам и войско литовское в тяжелейшую минуту достойно исполнили свой долг. "Опередил нас неприятель по времени, но тем быстрее принесли мы головы свои в жертву Отчизне. Он силой нас превосходил, мы его - храбрыми сердцами. В укреплениях своих сидя, преимущество над нами имел, но куда больше его в поле мы имели отваги..." Радзивилл витиевато, но довольно прозрачно обратил внимание короля и сейма на необходимость помнить о нуждах армии, чтобы она могла и далее давать повод для победных триумфов, и заверил, что рыцарство литовское и далее готово пролить всю кровь свою за Речь Посполитую.

Само собой, о победе в Ливонии доложил риксдагу в Стокгольме и Густав Адольф. Но литовских знамен на том заседании ему под ноги не бросали - у шведской армии таких трофеев в наличии не оказалось.

Заключение

При попытке оценить результаты данной кампании автор испытывает некоторое понятное просвещенному читателю недоумение. Почему войско Густава Адольфа, численно в четыре-пять раз превосходящее литовское, причем не самого высокого качества, не сумело достичь окончательной победы, а напротив, потерпело два поражения - при Кроппенхофе и Митаве? Последнюю битву поляки считают своей победой с достаточными на то основаниями, по крайней мере, победой шведского оружия эту битву назвать нельзя. Где был полководческий гений Густава, а также его фельдмаршалов Делагарди и Врангеля? "Не узнаю Григория Грязного!"

И почему гетман Радзивилл не сумел использовать единственный свой шанс - «подъездную войну» на коммуникациях противника силами легкой конницы? И как он вообще воевал - без денег, пороха, пушек, возов, провианта, достаточной пехоты и конницы, при глухом саботаже шляхты и откровенном нежелании помочь ему со стороны короля, сенаторов, сейма, канцлера литовского и старосты жмудского?

Что касается первой части нашего повествования, взятия Риги, тут ясно, за кем верх. Но кто же победил во второй части? Мальмезонского балета?? У автора есть дерзкое намерение, сидя в качестве кабинетного теоретика у теплого компьютера, дать ответы на заданные самому себе вопросы.

Можно сказать, что ошибки, промахи и недостатки обеих сторон тут же превращались в преимущества противника, и шведы их сделали немало. Видимо, все-таки стратегией Густава на эту кампанию была пошаговая, осторожная тактика, предусматривающая после взятия ключевых пунктов оборону замков и фортеций, а генеральное сражение - лишь в крайнем случае и с верными шансами. Все-таки страх перед литовской гусарской конницей был у него силен. Он прекрасно помнил, что численное преимущество шведы уже имели при вторжениях в Лифляндию в 1601, 1605, 1609 и 1617 годах. И что?

Сложись бой под Кроппенхофом в его пользу, Густав, возможно, и пошел бы на решительные действия. Но литовская конница вдруг показала себя во всей красе, и король заосторожничал. А потом настали зима и голод. Явными ошибками стали вывод из Митавы сильного гарнизона, оставление в руках противника Кокенгузена и других слабозащищенных замков, и нерешительные действия по деблокированию и возвращению Митавы. Союзниками Радзивилла оказались суровая зима, голод и болезни в шведском войске, сократившие его более чем наполовину без боевых действий. Многие и прежде неважные полки и роты, особенно конницы, оказались практически небоеспособны.

Летом 1622 года Густав собрал в Швеции новую армию, но действовал под Митавой крайне осторожно. Создается впечатление, что целью его было не вернуть город, разбить противника и вторгнуться на его территорию, а укрывшись в шанцах, частными атаками заставить пойти неприятеля на перемирие, чтобы прекратить войну. Ее Швеция уже не в силах была вести, как, впрочем, и Речь Посполитая. Литвины были не в силах выбить шведов из их укреплений без пехоты и артиллерии, а те не рисковали выходить на бой с литовской конницей в чистое поле, следуя прямому приказу Густава Адольфа на этот счет. "Неприятель как крот вкопался, слабый в коннице, рвами и валами заслоняется..."

Что же касается Радзивилла, то в оценке действий этого действительно большого, но обойденного славой полководца, сумевшего, казалось бы, совершить невозможное в невыносимых условиях, нельзя забывать и политический аспект. Это просвещенный абсолютист Густав мог снять со своих шведов последние теплые чулки, и, как писал про него Радзивилл, "выгнать на войну десятую голову". А у гетмана были связаны руки "шляхетской демократией", войну он вел практически без резервов и почти без ресурсов в условиях подавляющего превосходства противника.

Свое войско он сравнивал со спартанцами царя Леонида при Фермопилах. Первое и последнее его послание королю в этой войне содержит одну и ту же просьбу о подкреплении людьми, деньгами, пушками и порохом. Дай ему король и сейм хотя бы 10 тысяч - неизвестно, чьими были бы тогда Рига, Лифляндия и даже трон Швеции. Однако освободившиеся после мира с турками войска не были брошены ему на помощь. Неплатежи жолнежам поставили всю судьбу экспедиции инфлянтской под угрозу. Дошло до того, что гетману пришлось уговаривать своих людей идти в атаку. Литовская шляхта отказывалась воевать по ту сторону Двины. Посполитое рушение созвать не удалось, собранные взамен немногочисленные повятовые хоругви и магнатские почты воевали недолго. Лифляндцы в большинстве передались врагу, а герцог Курляндский показал себя весьма ненадежным вассалом Речи Посполитой.

Единственным шансом на победу или хотя бы на выгодное перемирие было надежное блокирование шведов в Риге, но этот шанс не был в полной мере использован. На "подъезд" пришлось посылать немногочисленных хищников-лисовчиков, главной целью которых было не выполнение приказов командования, а поиск добычи. Сильного вреда шведской армии, в отличие от мирного населения, эти лихие конники не причинили, хотя и доставили ей достаточно хлопот. Нанять же 15-20 тысяч конных запорожцев, которые заполнили бы все Инфлянты, король и гетман не решились. В любом случае война на коммуникациях была бы успешной, если бы шведы, не вынеся голода, сами оставили бы Ригу, как Наполеон Москву, а Эрикссон Митаву. Иного способа для того, чтобы вернуть город, у литвинов не было.

Гетман не желал этой войны, но сделал со своими командирами все возможное и невозможное для защиты Курляндии и Литвы, а также заключения соглашения о прекращении боевых действий вопреки воле короля, свалившего на него вину за поражения и территориальные потери, а также выиграть позиции на дипломатических торгах, играя практически без козырей на руках. В дальнейшем это привело к опале Радзивилла и назначению великим гетманом литовским не его, а сторонника Сигизмунда, престарелого кабинетного политика великого канцлера литовского Льва Сапеги, ни разу не водившего войска в бой. А в конечном итоге - к новой неудачной войне 1625-1629 годов, где были повторены все старые ошибки.

Учитывая конечные результаты, вторая часть войны за Ригу и Лифляндию несомненно осталась за Литвой, так как она отстояла свою территорию. Но случилось это лишь потому, что победу ей уступили обессиленные небоевыми потерями шведы, для которых эта "зимняя кампания" действительно стала "войной незначительной"? (почему среди славных полководческих деяний Густава Адольфа она как-то затерялась.) Однако в целом в войне 1621-1622 годов именно за Швецией, захватившей Ригу и часть Лифляндии, осталась конечная победа. Да, она оказалась пирровой - по оценкам историков, экспедиционная армия потеряла от 50 до 75% личного состава, а это от 10 до 15 тысяч человек. Если проводить параллели с советско-финляндской войной, то чтобы ни говорили, СССР тоже ее выиграл, получив Карельский перешеек с Выборгом, Северное Приладожье, острова в Финском заливе, базу в

Гангуте и никель Петсамо. Достигнуты ли были первоначальные цели и какой ценой победили - это уже другие вопросы.

Военная история свидетельствует: иногда победу, условия мира или перемирия определяет не длительная борьба на истощение ресурсов, а всего одна блестящая виктория, один дерзкий и сокрушительный удар, пусть даже по превосходящему противнику. Этого не произошло. Кирхгольма не случилось - и шведы были не те, и литвины.

Итоги Митавского перемирия отнюдь не стали ни для польско-литовской верхушки, ни для "народа шляхетского" ушатом холодной воды. Большинство "народа" вообще не заметило потери Риги, а если и заметило, то не придало этому значения, - им с того было ни тепло, ни холодно. Призывы князя Радзивилла укрепить армию не были услышаны. На пороге стоял очередной этап военной революции, но сеймы по-прежнему не желали вводить новых налогов на проведение реформы вооруженных сил, а шляхта все более не желала служить государству. Речь Посполитая продолжала свято верить в то, что она центр вселенной, великая держава, главный заслон христианского мира от басурман и житница Европы, уповая на совершенство своего общественно-политического устройства и непобедимость войска. На сейме 1624 года князь Томаш Замоиский гордо заявил: "Мы - народ свободный, Богоматерью возлюбленный, честь свою защищающий, славой вооруженный, людьми. и пространствами среди государств христианских несравненный..." До новой войны с шведами оставался год. До "Хмельниччины" и "Потопа" - всего 25 лет...

Если Литва и Корона не сделали выводов из войны за Ригу, то король Швеции их сделал, сумев в краткий промежуток между войнами снова мобилизовать ресурсы и создать конницу, пехоту и полевую артиллерию, способные бороться с польско-литовской гусарией и казаками. Его полководцы, офицеры и солдаты применили ценный опыт, приобретенный в этой кампании, в следующей войне.

О дальнейшем противостоянии двух держав в Лифляндии читайте в очередных номерах "Рейтара".

Приложение

Список Их Милостей панов жителей, рыцарства, шляхты повята волковысского и иных, которые согласно закону сейма, недавно прошедшего, выступили на защиту Отчизны против Князя Судерманского, который вражеским обычаем напал на государство Его Королевской Милости, город Ригу взял и дальше в Государство Его Королевской Милости наступает, что, собираясь в Инфлянты, стали в селе Пивоголы под Пунями ноября третьего дня 1621 года.

1.Его Милость пан (Ян) Юндзилло, маршалок повята волковысского, будучи сам на службе Отчизне, с имений своих в волковысском и других повятах лежащих, выставил трех коней (вооруженных всадников. Авт.), по-гусарски снаряженных.

2. Его Милость пан Миколай Кароль, подкоморий волковысский, с имения Новоселек, в волковысском повяте лежащем, двух коней. С других владений своих с пани супругой своей с имения Дубляны, лежащего в гродненском повяте, коней четыре, а из чести и сострадания к Отчизне - еще двух коней. Всего у него гусарских коней снаряжено восемь.

3. Его Милость пан хорунжий волковысский Станислав Пукшта, будучи сам на службе Отчизне (взял на себя затраты на изготовление) знамени и выставил двенадцать коней, по-гусарски снаряженных, и два коня по-казацки, с имения Мончакув опеки Яна Сувинского.

4. Его Милость пан Кшиштоф Олендцкий, стольник волковысский, с имений отцовских, которые во владении его пани матери, выставил трех коней, из чести и сострадания к Отчизне - еще трех по-гусарски, а с дядиной доли неделимой во владении родня Его милости пан Ян Олендцкий выставил еще два коня по-

казацки.

5. Его Милость пан Элиаш Зенкович, сын судьи новогрудского, от себя и от неделимого имени брата четырех коней по-гусарски выставил, от имений своих, в волковысских и иных повятах лежащих.

6. Его Милость пан Кшиштоф Дольский, сын судьи волковысского, посланный отцом своим, судьей земским в летах преклонных, выставил трех коней по-гусарски и трех по-казацки.

7. Его Милость пан Богдан Масальский, подсудок волковысский, сам будучи в преклонных годах, от имени Отруповщизны и с части сimeoновской (князя Симеона Глинского. Авт.) в Хорошчевичах выслал сына взрослого пана Ежи и от брата своего пана Януша Масальского, градского судьи волковысского, три коня гусарских.

8. Его милость пан Анджей Тризна выслал сына взрослого и к военной службе годного, при нем четыре коня по-гусарски, а два по- казацки.

9. Его Милость пан Петр Тризна, староста бобринский, с имений своих в волковысском и других повятах выставил шесть коней по-гусарски. Уведомил, что сына своего с почтом отправил к Его Милости королю в Валахию.

10. От Его Милости пана Соколинского, старосты езержицкого, пан Карась выставил двух коней по-гусарски.

11. Его Милость пан Пржецлав Ракош, будучи хворым, выслал слугу своего, благородного шляхтича Дионисия Гинтовта, при нем коней по-гусарски четырнадцать, по-казацки четырнадцать.

12. Его Милость пан Кшиштоф Шемет, сын судьи волковысского, выставил двух коней по-гусарски.

13. Его Милость пан Самуэль Овсяный выставил четырех коней по-гусарски.

14. Его Милость князь Петр Глинский сам выставил двух коней по-гусарски, одного с владений отца, другого с имения, отошедшего от пана Дзевочки с Новоселек, в повяте волковысском лежащего.

15. Его Милость пан Кшиштоф Ходаковский от себя и от сына Его Милости пана Ежи Ходаковского с участниками Рудзиевскими согласно росписи Его Милости пана маршалка и меня, хорунжего, выставил коня по-казацки.

16. Его Милость Ян Пукшта, сын хорунжего волковысского, выставил сам и с участниками коня по-гусарски.

17. Его Милость пан Зыгмунд Пукшта выслал двух коней по-гусарски, сам будучи неспособен по здоровью из-за ранения ноги, и призван быть не может, о чем согласно закону сообщил.

18. Его Милость пан Шимон Городельский, писарь земский волковысский, сам будучи в летах, выслал взрослого сына своего пана Войцеха Городельского, и выставил двух коней по-казацки.

19. Пан Василь Колонтай сам выставил коня по-гусарски с паном Голасом, и от пана Яна Заранки коня.

20. Пан Ян Колонтай, с позволения нас, урядников, Его Милости пана маршалка, и меня, хорунжего, воротился с дороги, так как сообщил нам, что сын его, будучи в походе в Валахию, взят в плен погаными и для освобождения его он сам ехать должен, и выслал пахолика - шляхтича с конем по-гусарски.

21. Пан Адам Колонтай выслал слугу на коне по-казацки, а о себе дал сведение, что выехал с налоговыми сборами в Вильно в казну.

22. Пан Ендржей Колонтай, будучи в летах, выслал сына взрослого, пана Яна Колонтая, конь по-гусарски.

23. Пан Адам Улик, сын судьи земского волковысского, сам от себя и от пана Михала Улика, дяди своего, выставил коня по-гусарски, а на пана Ордынца принес протест за то, что не участвовал.

24. Пан Григорий Цын сам выставил коня по-гусарски.

25. Пан Ян Кендзержавский выставил коня по-гусарски с имения Кузмич.

26. Пан Кшиштоф Кендзержавский от себя и от княгини Симеоновой жены Глинской выставил двух коней по-казацки.

27. Пан Ежи Езерский сам выставил коня по-гусарски.

28. Пан Ян Езерский, будучи в летах, выслал взрослого сына пана Кшиштофа Езерского, конь гусарский, и с участником паном Ежи Калузовским, что зброю купил у пана Езерского.

29. Пан Ян Лопот с со своей части имения Хорошевичи ставил коня по-гусарски, а с части симеоновской (князя Симеона Глинского) коня по-казацки, а на участников своих протестовал, что не вложились.

30. Пан Лев Лопот коня по-казацки с участниками, а на других участников протестовал, что не вложились.

31. Пан Иван Тризна, будучи в летах преклонных и больной на ноги, с позволения Его Милости пана маршалка и меня, хорунжего, отъехал до дому из деревни пунской Пивоголь. А на свое место представил шляхтича доброго, ему повинного, пана Юзефа Костюшко, на коне по-гусарски, которого пан Костюшко сам от себя и от брата выставил, а другой конь по-казацки согласно росписи.

32. Пан Кшиштоф Костюшко выставил коня по-гусарски, а пан Сушко вложил до третьей части.

33. Пан Кшиштоф Ошмянец от брата и участников, согласно росписи Его Милости пана маршалка и моей, выставил коня гусарского.

34. От княгини Яновой Глинской конь по-казацки с имений Парфеновичи и Бакшт.

35. Пан Ян Церпента, конь по-гусарски с Мацкеловичей и Добейки в другом повяте.

36. Пан Михал Церпента от себя и от пани Мартьяновой Рузской выставил коня по-гусарски.

37. Пан Рогинский с паном Явором и паном Миколаем Немчиновским выставил коня по-гусарски, но другие паны братья его сказали, что более того мог выставить.

38. Пан Сопецко двух коней по-казацки выставил.

39. Пан Герман Эндржикович от себя и от братьев своих родных пана Яроша, пана Давида, пана Разнуша и от вдовы брата пани Зыгмунтовой Эндржиковичевой, которая, в сиротстве оставшись, не только на войну собирать, а с детьми выжить не может, с участником паном Войниковичем, который на свой недостаток также указывал, по приказу Его милости пана маршалка и моему, как хорунжего, выставил пан Герман Эндржикович коня по-гусарски. Тот же пан Герман и от брата своего пана Мацей Эндржиковича выставил коня по-казацки, а сам пан Мацей Эндржикович не выехал на войну, так как погорел несколько раз, и дети некоторые погорели, как сведения даны.

40. Пан Адаховский с Репли, два коня по-казацки.

41. Пан Гзовский выставил двух коней по-гусарски.

42. Пан Бортновский от себя и от пана Анджея Лопота и от пана Анджея Одинца, который покупал у пана Анджея Лопота, выставил коня по-казацки.

43. Пан Ордынич выслал сына взрослого, конь по-гусарски.

44. Пан Анджей Адамович от себя и от братьев с имений Мончакува, Возняковщизны и Леннартовщизны, конь по-казацки.

45. Пан Ян Яскольд от себя и от братьев и от участников, конь по-гусарски, но больше выставить мог.

46. Пан Ян Сушко с братом своим Даниэлем, конь по-казацки, а на других протестовал, что не выехали.

47. Пан Александр Миневский, будучи в преклонных годах, выслал взрослого сына пана Ежи Миневского, конь по-казацки с имения Мочульна.

48. Пан Станислав Миневский с женой и свояченицами пани Анной и пани Щенсны Жолтовскими с имения Мочульны при брате родном Ежи выставил коня по-казацки.

49. Пан Василевский, городничий с Самуйтовичей, с больным князем Симеоном Глинским выставил коня.

50. Пан Ярош Длуский с паном Якубом Ошмянцем и паном Войцехом Иджиковским коня по-казацки.

51. Пан Высоцкий выслал сына взрослого от себя и от участников панов Клепацких, конь по-гусарски.

52. Пани Ждановская, вдова, выслала четырех коней по-казацки.

53. Пан Миколай Цивинский выставил пару коней по-казацки, одного с Седельников, другого с

Деревни в брестском воеводстве.

54.Пан Майноцкий с участниками, конь по-казацки.

55.Пан Ежи Гинтовт с участниками и сыном Адамом Гинтовтом с имений в волковысском и новогрудском повятах выставил двух коней по-казацки.

56.Пан Шимон Потолец с участниками выставил коня по-казацки.

57.Пан Ян Зарепа с паном Анджеем Малревичем, конь по-казацки.

58.Пан Щенсны Гедройц с паном Станиславом Эйсмонтом и его пани матерью двух коней по-казацки, и от пана Лаврина Зеленецкого, пана Слеповронского, панов Светов и от Сивко, но это (допущено) только один раз.

59.Пан Миколай Калушевский, пан Григорий Жебровский с паном Карасем, конь по-казацки.

60.Пан Павловский с участниками, конь по-казацки, а на участников протестовал, что не вкладывались.

61.Пан Станислав Шик с участниками своими паном Яном и Павлом Шиками, паном Адамом Зубицким, паном Мацеєм Одинцом и паном Анджеем Стромилло с имений Мештовичей, Тутова, Ухлов, конь по-казацки.

62.Пан Барзоба от пана Прошчиньского и частью от небожика (кальвиниста) пана Федора Горайна и частью от Зайновского выставил коня по-казацки, на которых (участников) он протестовал, и остался в свободном мнении, что к нему они не вкладывались.

63.Пан Зубка с участниками, конь по-казацки.

64.Пан Годзельски, пан Щигельский, пан Кршивонос, два коня по-казацки.

65.Пан Станислав Щигельский с повята гродненского, от малых детей с имений Эйсмонтува, Шимковщизны, Барнева, опеку держащий при главных имениях Годзельщизна и Кршивоносщизна, выставил коня по-казацки.

66.Пан Легоновский с участниками, конь по-казацки.

67.Пан Лев Цын, будучи болен и умом помешан, Господом Богом наставленный, выслал коня по-казацки.

68.Пан Иероним Цын, будучи болен и на глаза слаб, выслал коня по-казацки.

69.Пан Станислав Зихен известил, что имение сестры его пани Ендржиевой Немчиновской, фольварк, заставу содержит от Его Милости князя Самуэля Теляки-Огинского, лежащей в волковысском повяте, и что пан Огинский в записи своей указал, что он поступил по росписи на службу Речи Посполитой, но сейчас не видно никого от князя Огинского, и чтобы никаких трудностей сестра не имела, выставил он пахолика по-казацки.

70.Пан Николай Сасин с паном Иваном Тризной, паном Войцехом Буткевичем, паном Григорием Подгайским, паном Романом Ванкевичем, конь по-казацки.

71.Пан Мальхер Жуковский с Седельников, один конь, но в прежних реестрах за ним больше указывается, тогда он на коня деньги брал противозаконно.

72.Пан Кршивонос, будучи раненым в руку и больным, за позволением Его Милости пана маршалка и моего отъехал, оставив пана Корбута и выставил коня по-казацки, и протестовал на пана Обуховского о неучастии, а пан Обуховский дал знать мне, хорунжему, что находится на службе Его Милости короля, что подлинно доказал.

73.Паны Корейво, конь по-казацки.

74.Пан Иван Константинович со своего имения и от пана Михалевича коня по-казацки. О пане Михалевиче некоторые паны братья его говорили, что имущество немалое имеет, и мог бы выставить больше, нежели одного коня, тем паче и сам дома остался.

75.Пан Станислав Высоцкий от себя и от пана Миколая Эйсмонта и от участников пана Кшиштофа Проходзича, от пана Яна Краснодембского, Петра Стрыни, выставил коня по-казацки, а на других

участников, которые не поддержали их, протестовал, что они деньги и снаряжение другому отдали и коня ими не выставлено.

76.Пан Зверович выставил коня по-казацки, а на пана Зайонца протестовал за то, что не вложил.

77.Пани Биргелова выслала сына на коне по-казацки.

78.Пан Мацей Пацкевич с участниками из Зеленевицей, конь по-казацки.

79.Пани Комаевская, вдова с имения Струбнице, выставила коня по-казацки.

80.Пан Щурски выставил коня по-казацки, с участниками пани Немчиновичевой, пани Гумковой и с паном Грондским.

81.Пан Миколай Вувк с имения Седельники выставил коня по-пятигорски, и от некоторых соседей брал деньги и снаряжение против закона, хотя коня он сам выставить должен.

82.Пан Дзевалтовский с имения Седельники ради чести и сострадания к Отчизне нашел участников выставить коня по-казацки.

83.Пан Шимон Юшкевич с участниками, конь по-гусарски.

84.Пан Гринашкевич, конь по-гусарски с участниками Его Милостью ксендзом волковысским Миколаем Немчиновским, и паном Адамом Петрашевским.

85.Паны Онисимовичи, конь по-гусарски, со своим участником паном Якубовским.

86.Пан Тунина, конь по-казацки с участниками.

87.Пан Пацюкевич с землями у Рудзевичей, конь по-казацки.

88.Пан Александр Василевский выставил коня по-гусарски с участниками.

89.Пан Адам Швейковский выслал сына своего пана

Кшиштофа на коне по-казацки, с участниками паном Кондратом Волошанином и сыном своим паном Юзефом Швейковским.

90.Пан Ждановский, конь по-гусарски, протестовал на пани Комаевскую о неучастии.

91.Пан Михал Воробей выставил коня по-казацки с участниками.

Станислав Клаус Пукшта Клаусгелович, хорунжий волковысский, своею рукой.

Комментарий

Список волковысской хоругви литовского посполитого рушения под командой земского хорунжего Станислава Пукшты, составлялся к сведению новгородского воеводы для учета участия шляхты в рыцарском ополчении. Он интересен не только с точки зрения истории Великого Княжества Литовского и генеалогии шляхетских родов (впрочем, очень может быть, что в этом перечне своих предков обнаружит и обыкновенный сегодняшний московский, питерский или петрозаводский обыватель.). Документ очень информативен при оценке военно-мобилизационной системы ВКЛ и состояния его вооруженных сил в период очередной войны с Швецией. Сам статистический анализ реестра волковысских шляхтичей, которым выпало пойти на войну с "небожиком кнезом Густавом Седерманским", достаточно красноречив. Любопытен он и с точки зрения человеческой истории. Порой в тексте списка так и слышатся мотивы житейских драм, раздоров, родительского горя, патриотического самопожертвования и шкурного уклонизма.

Призыв происходил согласно закону ("конституции"), принятому октябрьским сеймом 1621 года, по которому созванное в определенном количестве посполитое рушение в Литве не направлялось в Подолию, а оставалось в Княжестве для его защиты от шведов и на случай возможной угрозы со стороны Московского государства, и согласно установлениям III Литовского статута 1588 года. Посполитое рушение, главным образом шляхетское ополчение, и в гораздо меньшей мере ополчения других сословий -

крестьян королевских и духовных имений и городов, созывалось крайне редко и только в чрезвычайных случаях, когда речь заходила о спасении государства от вражеских нашествий. В XVII веке созывалось трижды - в 1621, 1649 и 1660 годах. В октябре 1621 года созыв посполитого рушения для войны с Швецией, угрожавшей вторжением в Литву, был практически сорван литовской и жмудской шляхтой, своими приговорами (решениями) отменившей постановление сейма о всеобщем ополчении и вместо него выставившей в лагерь гетмана Радзивилла до декабря того же года всего около 600 гусар и казаков (двенадцать повятовых хоругвей) под предлогом оставления сил для защиты самого края. Людей выслали не все повяты, а те хоругви, что прибыли, служили всего три месяца или меньше.

В списке волковысской хоругви 91 имя, то есть количество шляхтичей, обязанных в соответствии с экономическими возможностями своих имений, земель и количества дворов податных хлопов выйти на войну со своим соответствующим почтом из почтовых-пахоликов (боевых слуг, наемников или же зависимых от них неимущих шляхтичей), или же в одиночку, а в случае несостоятельности - снарядиться с дорогостоящим боевым конем и снаряжением с участием обязанных родственников или соседей, не идущих на войну. С имения в 100 дворов (служб) выставлялось двенадцать всадников, с 50 - шесть, с 8 дворов - один. При этом, учитывая бедность Литвы по сравнению с Короной Польской, литвины выставляли почты с большего количества дворов, чем польские шляхтичи.

"Конь гусарский" означал тяжеловооруженного латного кавалериста-копейщика на специально обученном дорогостоящем рыцарском коне с соответствующим комплектом "брони белой" и "брони пальной". "Конь казацкий" и "конь пятигорский" - легкого или, если угодно, среднего кавалериста на коне в кольчуге, мисюрке, вооруженного саблей, рушницей или пистолетами, зачастую луком со стрелами, щитом, иногда коротким копьем (рогатиной.) То есть волковысские казаки и пятигорцы не имели в данном случае никакого отношения к воинственным жителям Запорожской Сечи или потомкам пятигорских черкесов. Со времени восстания Хмельницкого этот тип «легкой язды», чтобы не путать с мятежными казаками, поляки стали называть «панцерными», а литвины - пятигорцами.

Всего боевой состав данной хоругви включал 75 гусар, 80 казаков и одного "пятигорца", но кроме того, с ней шло на возах с припасами значительное неучтенное количество обозных слуг ("цурь", "пахолики", "хлопы", "обозова голота") Лишь девять имущих и чиновных шляхтичей, включая князя и княгиню Глинских, выставили почты от 3 до 24 человек, меньше половины выступали сам-два, а большая часть шла на войну в одиночку. "Вскладчину" с родственниками и соседями снарядились 60 человек, то есть 70%, при этом внесли протест на участников за неучастие 11 человек. В нескольких случаях число участников доходит до пяти-шести, что говорит о том, что бедного "посполитака" снаряжали такие же бедняки, недалеко ушедшие своему достатку от крестьян. Если четверо шляхтичей из чести и стремления защитить Отечество выставили почтовых сверх списка, то шестеро снарядились явно ниже своих возможностей или пустились на обман, а один вообще не выступил. Трех неимущих родственники и благодетели едва собрали "христа ради". Четверых сыновей и пахоликов выставили вдовы, в одном случае участником выступило духовное лицо, волковысский ксендз, видимо, взявший в аренду земские имения. Двух шляхтичей маршалок и хорунжий отпустили по болезни, одного - выручать сына из турецкого или татарского плена, еще одного по делам (причем совершили тем самым вопиющее нарушение закона, за которое подлежали отстранению от должности - отпускать шляхтича из войска имел право только гетман.) Четверть всех учетных военнообязанных шляхтичей заявили о неспособности служить по возрасту и состоянию здоровья и выслали вместо себя взрослых сыновей или пахоликов, что разрешалось. Трое призванных имели сыновей, ушедших на войну в Молдавию.

По образному выражению гетмана Радзивилла, это были "вымолотки" от предыдущих воинских наборов. Про такие повятовые хоругви гетман с досадой писал: «выслали сборную дружину, гусарами окрещеную...прибыли на таких конях, что только палубы возить...» Из-за низкой боевой ценности и дисциплины, а также, возможно, соответствующих хлопот и протекций повятовых чиновников хоругви

Пукшты не пришлось воевать в означенном составе.

В конце ноября 1621 года по указу гетмана волковысская хоругвь посполитого рушения была распущена, а за счет повята набрана наемная рота в 50 аркебузирова (рейтар) под командой избранного повятом же ротмистра, волковысского шляхтича вышеупомянутого Дионисия Гинтовта -Дзевалтовского. Рота была направлена для обороны Дерпта. В состав ее на рейтарский жолд вступили и некоторые другие волковысские шляхтичи с их пахоликами. Большая часть хоругви разъехалась по домам, а ее хорунжий Станислав Пукшта с небольшим отрядом, где было семь его родственников, прибыл в лагерь Радзивилла.

Хоругви посполитого рушения других повятов превратились практически в «заценжные» (наемные), лишь некоторые из них приняли участие в боевых действиях, как, впрочем, и мизерная часть из 40 тысяч «посполитаков», выступивших на войну с Турцией и Швецией в кризисном для государства 1621 году. Редко созываемая шляхетская милиция в этой войне снова показала свою несостоятельность.

Перевод, публикация и комментарий Сергея Лапшова.
mlapshow@izdat.karelia.ruailto

Цит. по: Ksecia Krzysztofa Radziwilla hetmana polnego Wielkiego Ksiestwa Litewskiego sprawy woenne i polityczne. Paris, 1859.

Источники и литература

Sveriges krig 1611-1632.Generalstaben. I-IV. S, 1936-1939.

A.Fryxell.Gustaf Adolf.S.,1894.

U. Sundberg. Svenska kriget 1521-1814. S.,1998.

A.Korhonen.Hakkapeliitain historia.Osa I. Porvoo-Helsinki, 1936-1940.

B.Barkman, S.Lundkvist. Svea livgardet historia. S.,1936.

J.Mankell.Svenska regementenais historia. S.,1867.

Ksecia Krzysztofa Radziwilla hetmana polnego i Wielkiego Ksiestwa Litewskiego sprawy woenne i polityczne. Paris, 1859.

J.Kunowski. Ekspedycja inflantska 1621 roku. W opracowaniu Wojciecha Walczaka i Karola Lopateckiego. Bialystok, 2007.

J.Wimmer. Woisko i skarb Rzeczypospolitej w pierzcei polowe XVII wieku.Warszawa, 1968.

H.Wisner. Woisko litewskie w polowie XVII wieku. Warszawa, 1978.

L.Podgorodecki. Rapira i koncerz. Warszawa, 1985.

R.Sikora.Wojskowosc polska w dobe wojny polsko-szwedzkiej 1626-1629. Kryzys mozarstwa. Poznan, 2005.

R.Sikora. Kropimoiza. Warszawa, 2009.

M.Paradowski. Raitaria litewska pod komenda hetmana Krzysztofa Radziwilla 1617-1622. Historia wojskowosci.
<http://www.o-woine.pl>

M.Paradowski. Porownanie sil szwedzkich i litewskich bioracich udzial w walkach w Inflantach 1621-1622.

M.Paradowski Sztandary szwedzkie zdobyte przez woisko polskie i litewskie okresie 1621 - 1629.

<http://kadrinazy.blogpost.com>

M.Balcerek.Oblezenie Rygi w 1621 roku. Prace zbiorowo. Bialystok, 2010.